

А. САЛОМАТОВ
**ДЕВУШКА В БЕЛОМ
С ОГРОМНОЙ
СОБАКОЙ**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Андрей Саломатов

**Девушка в белом с
огромной собакой**

«ВЕЧЕ»

1990

Саломатов А. В.

Девушка в белом с огромной собакой / А. В. Саломатов —
«ВЕЧЕ», 1990 — (Новая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-4484-8603-6

Московский писатель Андрей Саломатов известен читателям произведениями, лежащими на грани абсурдистской прозы и фантастики. Повести, вошедшие в этот сборник, объединяет некое сюрреалистическое пространство, в котором вынуждены существовать герои произведений. Как правило, это обычные люди, попавшие в одну из ловушек судьбы, коих множество расставлено на жизненном пути каждого человека. Как писал философ Спиноза: «Бог не добр и не справедлив, Он целесообразен». В той или иной мере эта мысль проходит через все произведения автора. Сборник состоит из четырех повестей, первая из которых «Г» экранизирована режиссером Владимиром Лертом. Фильм называется «Отторжение». Три остальные: фантастическая повесть «Полигон», с элементами мистики «Девушка в белом с огромной собакой» и психоделическая «Танатос» – также известны читателю по журнальным публикациям и книжным изданиям.

ISBN 978-5-4484-8603-6

© Саломатов А. В., 1990

© ВЕЧЕ, 1990

Содержание

«Г»	6
1	6
2	10
3	13
4	16
5	19
6	22
7	25
8	28
9	36
10	43
Полигон	45
1	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Саломатов
Девушка в белом с огромной собакой
Сборник

© Саломатов А.В., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

«Г»

1

Перед самым рассветом Лупцов проснулся от холода. Он болезненно поежился, опустил ноги на пол и попытался поддеть носками тапочки. Форточка медленно, с отвратительным скрипом отворилась, и ледяной воздух уныло запел в щели под входной дверью. Несмотря на ранний час, с улицы доносилось многоголосое бормотанье, сигналили автомобили и изредка можно было разобрать отдельные выкрики: «Вова!», «...куда лезешь...», «...граждане...». Затем в подъезде уронили что-то большое, послышался звон разбитого стекла, и форточка в комнате с силой захлопнулась, отделив большого хозяина квартиры от уличного бедлама.

Держась за спинку, Лупцов поднялся с дивана и удивленно посмотрел на непонятно откуда взявшиеся вещи. Посреди комнаты стояло несколько разнокалиберных фибровых чемоданов и два огромных рюкзака.

Доковыляв до прихожей, Лупцов сорвал с вешалки пальто. Он слышал, что на лестничной площадке происходит нечто странное, будто все жители этажа одновременно принялись выносить из квартир мебель. Проходя мимо зеркала, Лупцов вздрогнул и отдуваясь подумал: «Что бы это все могло значить?» – оно было завешено белой простыней, как при покойнике.

В комнате опять распахнулась и захлопнулась форточка, впуслав на несколько секунд уличный шум. Хозяин квартиры потрогал лоб, добрал до дивана и, улегшись, натянул на себя пальто. Затем он попытался вспомнить, что произошло накануне вечером, но сознание его почти моментально затянуло бессмысленной вереницей образов и видений.

Перед вторым пробуждением ему приснился дурацкий сон, будто на улице он встретился с Прогрессом – трехметровым лингамоподобным колоссом из нержавеющей стали, в жестяном смокинге и с гаечным ключом в руке. Из рта у рукотворного голема торчала выхлопная труба, из которой валил густой сизый дым. Прогресс мигал глазами-лампочками, стучал ключом по жести и металлическим голосом канючил: «Ну, чего тебе изобрести? Хочешь пуленепробиваемую голову? А хочешь брипп? Адская смесь. Тебе понравится».

Сколько прошло времени между двумя пробуждениями, Лупцов не знал, а когда очнулся от собственного крика, первое, что он вспомнил, это свои имя и фамилию. Чувствовал Лупцов себя вполне отдохнувшим, и лишь странное чувство опустошенности напоминало ему о том, что в его жизни произошло нечто неординарное.

На улице было светло, но воздух за окном походил скорее на зеленую прудовую воду. Сквозь пыльную тюлевую штору Лупцов увидел двор со сквером, похожие на большой, опустевший аквариум, и небо какого-то неестественного нефритового оттенка. Правда, эта странная метаморфоза не вызвала в его душе ни паники, ни сколько-нибудь серьезного интереса. Он лишь констатировал, что за пределами квартиры воздух каким-то образом сгустился, вспомнил сон, чертыхнулся и довольно резко поднялся с дивана. Гораздо больше Лупцова расстроило то, что во всей квартире было отключено электричество. Он несколько раз щелкнул выключателем в ванной комнате, в полумраке смочил лицо водой и пошел ставить чайник.

Тыкая зажженной спичкой в конфорку, Лупцов вспомнил, что сегодня суббота, а значит, не надо идти на службу. Когда огонь от спички добрался до пальцев, Лупцов бросил ее и зажег новую. Но газ не загорался. Лупцов по очереди покрутил все вентили, затем сел на табуретку и вслух сказал:

– Вот тебе и прогресс. Сон в руку.

Недоумеая, Лупцов подошел к окну. Небо действительно было каменисто-зеленым, в мелкий перистый рубчик и напоминало отшлифованный спил какого-то минерала. В противо-

положность ему белесое солнце выглядело круглым отверстием, дыркой, в которую вливался привычный дневной свет. Оно не слепило и не грело, но странным образом успокаивало, ослабляя тягостное впечатление от небесной тверди.

Лупцов взглянул на будильник, но часы остановились ровно на двенадцати, причем все три стрелки наложились друг на друга с такой точностью, будто их установили специально. Это обстоятельство поразило его больше всего: в квартире, кроме самого хозяина, никого не было, будильник был куплен три дня назад, соответственно и батарейки в нем были совершенно новые, а значит, встать часы могли только потому, что сломались.

Пришлось Лупцову идти в комнату за наручными часами, но оказалось, что те и вовсе ничего не показывают. На грязно-зеленом экранчике, там, где обычно пульсировали цифры, было пусто.

– Время умерло, да здравствует время, – мрачно пробормотал Лупцов, перевернув часы, будто таким образом можно было вызвать их к жизни. Он вертел их, рассматривая экран под разными углами. Затем понял, что дело не в приборчике и, все более раздражаясь, проговорил: – Ну не могли же одновременно сломаться сразу двое часов.

Постепенно в голове у Лупцова вырисовывалась связь между странной поломкой, отсутствием электричества и газа и появлением этого странного небесного купола. Он понимал, что таковая существует, но дать более-менее толковое объяснение апокалипсическому феномену не мог.

– И солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась как кровь, – пробормотал Лупцов. – А небо-то почему зеленое? Это ненормально.

Лупцов попытался было узнать время по телефону, снял трубку и, еще не донеся ее до уха, понял, что связи нет. Правда, ему показалось, будто где-то очень далеко, на другом конце провода, кто-то тихо поскребся и глухо кашлянул. Лупцов постучал по рычагу, несколько раз громко сказал: «Алле!», но аппарат безмолвствовал, и как-то незаметно, исподволь, недоумение хозяина квартиры сменилось страхом, который пришел к нему именно через предметы, потерявшие свою функциональную значимость.

Когда из прихожей послышались странные звуки – торопливые шаги, громкое шуршанье и сдавленный стон, – нервы у Лупцова не выдержали: затаив дыхание, он взял с кухонного стола большой столовый тесак и в ожидании замер.

– Кто там? – наконец сипло выкрикнул он. – Эй, кто там? – В прихожей что-то упало, и Лупцов услышал, как неизвестный прошел в комнату. – Кто там?! – заорал Лупцов и, переложив нож в другую руку, вытер вспотевшую ладонь о брюки.

Шаги и шорох прекратились, но наступившая тишина не принесла Лупцову никакого облегчения. Не менее получаса он простоял не шелохнувшись, в вычурной позе театрального злоумышленника, и за это время столько перебрал в уме вычитанных в криминальной хронике случаев ограбления с кровавым финалом, что, когда внезапно заработало радио, он едва не лишился жизни.

Лупцов отпрыгнул назад, в одно мгновение покрылся холодным потом и, чтобы не упасть, вынужден был сесть на табуретку. А по радио мужской голос, без музыки и даже заметно фальшивя, запел: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих. Близится эра светлых годов, клич пионеров – всегда будь готов!»

Лупцов протянул руку, чтобы выключить радио, попытался повернуть ручку, но она не поддавалась – приемник был выключен.

– «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно...» – не отводя взгляда от коридора, ведущего в прихожую, прошептал Лупцов. – Нет, так не бывает.

Непонимание происходящего было настолько мучительно, что он со всего маху ударил радиоприемник ножом, и пробитый динамик хрюкнул: «Не бывает. – После чего тот же голос запел: – Я первый ученик среди ребят. Пятерки в мой дневник, как ласточки, летят...»

Из квартиры Лупцов выскочил, как был: с ножом в судорожно сжатом кулаке, в тапочках и без ключей. Дверь осталась распахнутой, но Лупцова это нисколько сейчас не беспокоило. В несколько прыжков он слетел на второй этаж и принялся звонить в дверь к своему соседу, молодому пенсионеру, который два дня назад отправил семью на дачу.

Не услышав электрического щебетанья звонка, Лупцов начал барабанить в дверь кулаками и громко кричать:

– Иван Павлович! Иван Павлович, да откройте же!

Поднятый с постели сосед долго возился с замком, откашливался и недовольно ворчал с каким-то горловым собачьим бульканьем. Затем дверь немного приоткрылась, и, не дожидаясь приглашения, Лупцов моментально просочился в щель. При этом Иван Павлович едва не упал, отходя назад на негнувшихся от ревматизма ногах.

Выглядел сосед презанятно: с одной стороны волосы у него стояли петушиным гребнем, с другой – топорщились. Приземистый и кривоногий, как прошедший всю жизнь на лошади монгол, он по-детски потер глаз кулаком, подтянул сползшие под пузо трусы и недовольно проворчал:

– Ты что? Пожар, что ли?

– Не знаю, – ответил Лупцов и быстро прикрыл за собой дверь. – У меня в квартире творится черт-те что. Стоят какие-то чемоданы. Ничего не работает. Кто-то ходит как у себя дома. – Лупцов щелкнул выключателем и зачем-то задрал голову. Свет в прихожей не зажегся.

– Вот, – сказал он. – Света нет.

– Ну и что? – проворчал Иван Павлович и, шаркая тапочками, пошел на кухню.

– И газа нет, – не отставая от него, возбужденно говорил Лупцов. – И вообще черт-те что творится. У меня в комнате кто-то сидит, выключенное радио поет. – Иван Павлович обернулся, внимательно посмотрел на соседа и пошел дальше. – Я не сошел с ума, – ответил на изумляющий взгляд Лупцов. – Кстати, посмотрите, какое странное небо.

Подергивая трусы за резинку, Иван Павлович вышел на середину кухни и застыл на месте. Некоторое время он ошалело смотрел в окно, затем, не оборачиваясь, неуверенно предположил:

– Может, ракету запустили?

– А небо-то почему зеленое? – вопросом на вопрос ответил Лупцов.

Иван Павлович пожал плечами, подошел поближе к окну и осмотрел весь, в пределах видимости, небосклон. В это время на улице вначале тихо, а потом все громче слышалось басистое гудение с характерным металлическим лязгом. А вскоре по проспекту, по направлению к центру города, на большой скорости проехала колонна танков.

– Здесь серьезным пахнет, – машинально подсчитывая машины, сказал Иван Павлович. – Может, переворот? Эх, черт, как не вовремя. – Он повернулся к соседу и только сейчас заметил в руке Лупцова нож. – А это зачем? – кивнул он на тесак.

– Я уже говорил, у меня дома кто-то есть! – воскликнул Лупцов. – Кто-то ходит по квартире. Я тоже вот так проснулся, а потом началось...

– Ходит у него, – проворчал Иван Павлович. – Что же, вор, он дурак, что ли? Лезть, когда хозяин дома? Да и что у тебя брать-то?

– Я не говорю, что у меня есть, что брать, – все более раздражаясь, ответил Лупцов. – Я говорю, что кто-то ходит. Телефон не работает, радио выключено, но поет. – Лупцов подошел к газовой плите и повернул ручку конфорки. – Вот, у вас тоже газа нет.

– Бронетранспортеры пошли, – рассеянно сказал Иван Павлович, глядя в окно. Лупцов подскочил к нему, увидел колонну военных машин и сел на стул.

– Может, война? – тихо спросил он. – Может, это от ядерного взрыва такое небо?

– А черт его знает. Я на Новой Земле не служил, не видел, какое оно бывает, – зло ответил Иван Павлович. – Я-то своих на дачу отправил. Эх, черт! – Он метнулся из кухни в прихожую, затем остановился и растерянно сказал: – Должны же сообщить.

– Радио не работает, – в который раз повторил Лупцов. – Вернее, работает, но лучше бы оно молчало. Света ведь нет.

– Игорек, – взмолился Иван Павлович, – сбегай на улицу, выясни, что случилось. Если народ не знает, может, опять бэтээры пойдут. Солдатам-то, наверное, сказали, что происходит.

Лупцов решительно встал, положил нож на стол и пошел к выходу.

2

На улице ничего примечательного Лупцов не увидел, если не считать зеленого нефритового неба, которое, словно гигантский плафон, висело низко над землей и было таким материальным, что казалось, будто до него можно достать палкой или даже рукой, если влезть на крышу дома.

Улица была непривычно пустынной, и лишь у автобусной остановки совершенно пьяный, гадкий мужичонка упорно пытался что-то поднять с земли. Куда-то пропали и машины, хотя по субботам в это время на проспекте бывало много частников с тюками, велосипедами и мелкой дачной мебелью на багажниках. Те, кто не успел в пятницу вечером, в субботу выезжали рано.

Лупцов обошел вокруг дома, потоптался под собственными окнами, пытаясь представить, что сейчас происходит в его квартире, и неожиданно вспомнил об опорном пункте, который располагался в соседнем подъезде рядом с химчисткой.

Он ворвался туда, громко хлопнув дверью, чем и разбудил молодого лейтенанта. Большие глаза и розовая кожа с детским пушком делали милиционера похожим на обиженную девочку, отчего усы казались приклеенными, а форма – маскарадным костюмом.

Дежурный вскочил с топчана, несколькими неверными спросонья движениями поправил прическу и китель, но, разглядев посетителя, недовольно спросил:

– Ну что еще такое?

Лупцов долго и путано пытался объяснить блюстителю порядка, что произошло. Чтобы милиционер не принял его за сумасшедшего, он подтолкнул его к окну и заставил посмотреть на небо. Затем снял телефонную трубку и дал послушать. Лупцов поведал ему о колонне танков и бронетранспортеров, о ночной панике и вымершем проспекте и под конец предложил лейтенанту взглянуть на свои наручные часы. Вначале милиционер с недоверием слушал сумбурный рассказ посетителя, но Лупцов говорил так страстно, что ему удалось посеять в душе служителя закона смятение. Лейтенант внимательно дослушал посетителя, взглянул на часы, долго тряс рукой, а потом приложил их к уху. Часы стояли.

– Очень много совпадений, лейтенант, – сказал Лупцов. – Я бы тебе еще кое-что рассказал о своей квартире, но боюсь, ты не поверишь. Я вот что предлагаю: пойдем вместе на проспект, и ты попробуешь остановить какую-нибудь машину. Хорошо бы военную. Черт его знает, может, давно война идет, а мы сидим здесь как дураки и чего-то ждем. Кстати, я даже не знаю, куда бежать в случае ядерной войны.

После невероятного рассказа посетителя выражение обиды сошло с лица недавнего курсанта. Он вдруг засуетился, достал из старенького конторского сейфа рацию, пощелкал тумблерами и, убедившись, что она не работает, убрал ее назад.

– Мне вообще-то отлучаться нельзя. Вдруг телефон заработает, – пожал плечами, растерянно сказал лейтенант. Но, увидев укоризненную гримасу Лупцова, он решился. – Ладно, пойдем.

На улице ничего не изменилось. У остановки все так же болтался омерзительный пьянчужка, и только солнце, выкатившись из-за дома напротив, слегка разбелило зелень неба.

По дороге к автобусной остановке лейтенант все время поглядывал вверх, качал головой и ощупывал справа от поясицы китель, из-под которого выпирала кобура. Лупцов же принялся рассказывать ему о своем сне, но вскоре понял, что тот его не слушает, и замолчал.

Пьяный на остановке уgomонился. Он сидел на скамейке, сосал грязный, давно потухший окурок и бессмысленно улыбался.

– Давно сидим? – бодро спросил милиционер у мужичка, но тот не обратил на подошедших никакого внимания. Правой рукой он чесал под пиджаком живот, вертел головой и одной ногой притопывал в такт какой-то мелодии, которую, очевидно, прокручивал в голове.

– Да бесполезно, что он может знать? – махнул рукой Лупцов, который только сейчас в полной мере почувствовал какое-то вопиющее несоответствие, внутреннюю дисгармонию окружающего мира. С одной стороны, на улице было тепло и спокойно, с другой – в воздухе ощущалось какое-то чудовищное напряжение, и эта неидентифицированная опасность имела самый умиротворяющий и распространенный на планете, зеленый цвет.

Отсюда до центра Москвы можно было доехать только наземным транспортом, но ни автобусы, ни троллейбусы не ходили. И тут Лупцова осенило.

– Автоматы! – выкрикнул он. – У магазина есть телефоны-автоматы. Может, они работают? – Лейтенант одобрительно кивнул, еще раз взглянул на грязного мужичка и, побледнев, подался назад. Лицо его выражало такую растерянность и ужас, что Лупцов не раздумывая, как кошка отпрыгнул, повернулся в воздухе на сто восемьдесят градусов и приземлился в боксерской стойке, готовый сцепиться или отразить нападение того, кто так напугал недавнего курсанта. То, что Лупцов увидел, поразило его гораздо больше, чем говорящее радио и шаги в прихожей. Он повернулся как раз в тот момент, когда мужичонка опустил на колени и, отыскав на земле собственную нечесаную голову, трясущимися руками, как-то не по-человечески точно насадил ее на шею.

– «...пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?» – холодея внутри, пробормотал Лупцов.

– Ч-что? – с трудом выдавил из себя лейтенант.

– Вот и я о том же, – не отрывая взгляда от пьянчужки, ответил Лупцов. А тот вдруг поднялся с колен и принялся бесцельно кружить на небольшом пятачке у скамейки. При этом мужичонка театрально всплескивал руками, изгибался в пояснице, кривлялся и вообще вел себя как глухонемая проститутка.

Первым не выдержал лейтенант. Боясь оставить нелюдя у себя за спиной, он попятился к домам.

– Что это такое? Что за фокусы?

– Вот-вот, – вторил ему Лупцов. Он последовал за милиционером, стараясь не отставать от него ни на шаг, но и не вырываясь вперед.

– Теперь-то ты видишь?! – каким-то надрывным шепотом спросил Лупцов, а лейтенант, не ответив, вдруг сорвался с места и, громко топая, бросился к опорному пункту.

– Куда?! – закричал Лупцов и, все время оглядываясь, последовал за милиционером. – Куда ты? К телефонам, к телефонам давай.

Не сбавляя скорости, лейтенант послушно повернул к магазину и остановился только у телефонных будок.

– Понял? – тяжело дыша, спросил Лупцов, добежав до лейтенанта. – Это уже не войной пахнет, это кое-что похуже.

– Жетон есть? – спросил милиционер и удивленно повторил за Лупцовым: – Похуже...

– Ты трубку вначале сними, – грубо ответил Лупцов и, оттеснив лейтенанта, сам пролез в телефонную будку. Но сколько он ни дергал за рычаг, трубка молчала.

Сквозь грязное стекло на него тревожно смотрел испуганный усатый мальчишка. Лицо у него было бледное, он часто оборачивался, нервно ощупывал под кителем кобуру и, несмотря на форму, очень мало походил на стража порядка.

– Нам сейчас лучше не расставаться, – сказал Лупцов выходя из будки. – Вдвоем как-то спокойнее.

– Да, да, – закивал лейтенант. – У меня пистолет есть. – Он задрал китель и показал растянутую кобуру. – Слушай, может, это гипноз?

– Гипноз? – рассеянно проговорил Лупцов и тихо добавил: – «...конь белый, и на нем всадник, имеющий лук...» Ладно, что здесь стоять? Пойдем к соседу, пока ему эти безголовые

не отвернули башку. Идем, он ждет меня. – И в этот момент откуда-то из-за угла соседнего дома послышался слабый крик.

– Костя! – надрывно звал молодой женский голос. – Костя, помоги мне!

– Лида?! – испуганно проговорил лейтенант. Лупцов успел схватить его за рукав, но тот неожиданно вырвался, пробежал несколько метров вперед и, не сбавляя скорости, крикнул:

– Это моя жена!

– Какая жена? – ничего не понимая, вдогонку закричал Лупцов. – погоди! – Он бросился за лейтенантом, но тот уже перебежал улицу и, выхватив из кобуры пистолет, свернул за угол. Лупцов еще раз услышал женские крики: «Костя! Костя, помоги!» Потом забежал за дом и остановился как вкопанный. Он увидел, как в нескольких метрах от него милиционер взмахнул руками и с разбега повалился в свежерытую яму, в которой тускло поблескивало что-то огромное, темно-зеленого цвета и явно живое.

По поверхности этой отвратительной шевелящейся массы прошла судорога, глянцевая кожа покрылась большими, как воздушные шары, пузырями, а там, куда упал милиционер, образовалась длинная толстая складка, которая и накрыла лейтенанта с головой. Лупцов услышал лишь громкий тяжелый выдох, словно из паровозного ресивера. Грязно-зеленое тело еще продолжало подрагивать, будто гигантский шарик ртути, когда Лупцов услышал из ямы детский голосок:

– Папа, папа, помоги!

Оцепенев от ужаса, Лупцов какое-то время стоял и смотрел на пульсирующее тело чудовища. Затем он вдруг почувствовал сильнейшее желание подойти поближе к краю ямы, и обладатель детского голоса, словно почувствовав в нем слабинку, позвал еще жалобнее и настойчивей:

– Игорь! Игорь, помоги! Помоги, Игорек!

И все же Лупцов нашел в себе силы повернуть назад. Подавляя рвотные позывы, мучаясь от страха и омерзения, он бросился бежать к своему дому, в несколько прыжков взлетел на второй этаж и чуть не вышиб лбом дверь квартиры Ивана Павловича.

3

После того как Лупцов ушел узнавать, что произошло, Иван Павлович быстро привел себя в порядок, оделся, причем из всего своего немудреного гардероба выбрал выходной костюм с орденскими планками и юбилейными значками, который он надевал только по большим праздникам для выхода на люди. Он приготовил большую дорожную сумку, куда положил все семейные документы, довольно приличный запас продуктов и транзисторный приемник на случай, если радио все же начнет работать. Наличие и носильное золото жены он распихал по карманам, а затем долго еще бродил по квартире, страдая от того, что в сумку нельзя запихнуть все нажитые за долгие годы вещи. Иногда он брал какой-нибудь предмет в руки: детскую игрушку, дешевенькую вазу или чашку, вертел ее, жалеючи, и ставил на место. Жалко было весь скarb в совокупности, хотя по отдельности они не представляли для него почти никакого интереса.

Наконец Иван Павлович сел на диван прямо напротив телевизора, вздыхая поворошил содержимое сумки, дабы убедиться, что все взятое и есть самое необходимое, и в этот момент экран телевизора загорелся привычным голубым светом. Вслед за этим на экране появился диктор, которого Иван Павлович раньше никогда не видел, и начал считать:

«Один, два, три, четыре... Проверка связи». Лицо диктора почему-то перекосилось, он громко и с удовольствием чихнул, а Иван Павлович вдруг вспомнил, что телевизор выключен даже из розетки. Затем в памяти его всплыл неправдоподобный рассказ Лупцова о поющем радио, и Иван Павлович побледнел, словно перед смертельной опасностью.

А диктор, высморкавшись в скомканный носовой платок, понес что-то совсем не телевизионное. При этом мышцы его лица как-то странно подергивались, а руки суетливо и бес толково шарили по столу. Иногда диктор резко откидывался назад и, схватив себя за волосы, возвращал голову в прежнее положение.

Выключить телевизор Иван Павлович не мог, но и смотреть на это безобразие не было никаких сил. У него мелькнула было шальная мысль – швырнуть в морду диктора какой-нибудь тяжелый предмет, но рука на личную собственность не поднималась. А тем временем лжедиктор совсем распоясался. Он по очереди перебрал все матерные слова, а затем и большую часть производных. Он так старательно и внятно выговаривал всю эту похабщину, что даже без звука, по одной лишь артикуляции было ясно, о чем идет речь.

Как замороженный, смотрел Иван Павлович на экран телевизора, и из каталепсии его вывел лишь бешеный стук в дверь.

Лупцов с Иваном Павловичем долго не могли понять и даже толком выслушать друг друга. Оба отчаянно жестикулировали, говорили, захлебываясь, словно их прорвало после длительного вынужденного молчания. Казалось, они не нуждаются, чтобы их кто-то слушал. Достаточно было факта существования человека, которому можно было вывалить все, что накопилось в их напуганных, смятенных душах.

Наконец они выговорились и замолчали. Иван Павлович с досадой махнул рукой и ушел на кухню. Лупцов последовал за ним.

– Это уже не шутки, – исступленным шепотом бормотал Лупцов. – Объяснений этому есть только два... Я могу дать только два. – Он обращался даже не к Ивану Павловичу, а, скорее, к самому себе. Хозяин же стоял в этот момент у стола и не отрываясь смотрел на утюг, оставленный женой накануне. – Это либо конец света, – продолжал Лупцов. – Да, да, тот самый конец света. Обычный конец света. Мы все смеялись: мифы, сказки, Бога нет. А он – вот! Вот он, родименький! У вас бабки случайно нет, Иван Павлович? Верующей бабки? – обратился Лупцов к соседу.

– Нет, – мрачно ответил хозяин квартиры.

– Да и черт с ней. – Лупцов на секунду задумался и, как бы продолжая развивать свою мысль, проговорил: – Либо это оттуда. – Он ткнул пальцем вверх. – Оттуда, из космоса. Пришельцы. Астронома или физика знакомого у вас, конечно, тоже нет?

– Нет, – тихо ответил Иван Павлович. После этого он взял утюг и вышел из кухни. Лупцов последовал было за ним и, не доходя до двери в гостиную, услышал громкий хлопок и звон стекла.

– Телевизор кокнули? – спросил Лупцов, когда хозяин квартиры вернулся на кухню.

– Да, – ответил Иван Павлович. – Это уже не телевизор, раз по нему такие вещи говорят.

– Правильно, – понимающе кивнул Лупцов. Затем он осмотрел соседа с ног до головы и спросил: – А вы куда это собрались в таком виде?

– К своим, на дачу, – ответил Иван Павлович и неожиданно сорвался на крик: – Я всю войну пешком прошагал! Меня не запугаешь говорящим телевизором! Я сорок два раза в разведку ходил! У меня три ранения!

Непонятно было, кому предназначались эти слова, и уж совсем неясно, зачем вдруг Иван Павлович скинул с себя пиджак, задрал рубашку и показал Лупцову, а затем и в коридорную пустоту два своих фронтовых шрама.

Лупцов притих. Короткая истерика с Иваном Павловичем привела его в чувство. Ему вдруг подумалось, что и он, выкрикивая свои новости и домыслы, выглядел не лучшим образом. Лупцову стало немного неловко, а главное, он испугался того, что, сам не заметив, может запросто свихнуться, поддаться панике и, не разобравшись до конца, что же все-таки произошло, стгнуться в какой-нибудь дурацкой ловушке, типа той, в которую попал молодой лейтенант милиции.

– Успокойтесь, Иван Павлович, успокойтесь, – нормальным голосом сказал Лупцов и подал соседу пиджак. – В конце концов какое-то объяснение этому найдется. Разберемся. А сейчас пойдемте ко мне. У меня квартира поменьше, лучше просматривается. Пока нас никто не трогает, а там посмотрим. Пойдемте. – Говорил Лупцов тоном врача-психиатра. Он помог соседу надеть пиджак, сам застегнул его на все пуговицы, а потом взял Ивана Павловича под руку и повел к выходу.

Квартира Лупцова была раскрыта настежь, и еще издали они услышали, что в комнате вовсю трезвонит телефон. Звонок был необычным, без перерывов, как у будильника, и Лупцов подумал, что, наверное, не стоит снимать трубку. Но любопытство все же победило.

– Алло! – почти крикнул он. В ответ Лупцов услышал нечто странное, сказанное издевательским и каким-то противным щебечущим голосом:

– Лупцов слушает.

– Да, да, Лупцов слушает. Я слушаю вас, – растерянно ответил он.

– Да, да, Лупцов слушает. Я слушаю вас, – повторил голос в трубке.

Эта дурацкая и совершенно неуместная сейчас шутка вывела Лупцова из себя.

– Что тебе надо?! – заорал он. – Кто ты такой?! Что ты измываешься над людьми?! Если уж прилетел сюда, так веди себя по-человечески! – Еще не успев договорить, Лупцов понял, что телефон снова умер, так, словно и не работал вовсе. – Дьявольщина! – выругался он. Взяв телефонный аппарат в руки, Лупцов поднял его над головой и изо всей силы ударил об пол. Хрупкий пластмассовый корпус разлетелся, как глиняная копилка, разбросав внутренности по всей комнате.

– Игорь, я пойду, – услышал Лупцов за спиной. Вид у Ивана Павловича был угрюмый и очень спокойный, как у человека, привыкшего к мысли, что он обречен.

– Куда вы собрались, Иван Павлович? – увещательным голосом спросил Лупцов.

– К своим пойду. Может, такси на дороге поймаю. – Иван Павлович легонько пнул ногой сумку. – Вот продуктов собрал.

– К своим! – воскликнул Лупцов. – Вы с ума сошли! Восемьдесят километров. Электрички-то наверняка не ходят, и машин не видно. Заманит вас какая-нибудь тварь голосом жены в яму. Не ходите, Иван Павлович. И их не спасете, и себя загубите.

– Какая тварь? – не понял Иван Павлович.

– Да я же рассказывал, а вы не слушали, – ответил Лупцов. – Не ходите, Иван Павлович. Может, у них в деревне все спокойно. Может, они и не знают ничего.

– Тогда тем более надо отсюда выбираться, – резонно заметил Иван Павлович. – Нет, уж лучше пойду. Если что случится, я потом себе не прощу.

Лупцов на некоторое время задумался, а сосед терпеливо стоял и ждал, что же он скажет напоследок. Прощание с соседом, быть может навсегда, вдруг приобрело для Ивана Павловича особый смысл. Это было прощание не просто с Игорем Лупцовым, но и с домом, в котором он прожил столько лет, и со всем, что, собственно, и составляло его существование.

Наконец Лупцов ответил ему:

– Ладно, Иван Павлович, я с тобой. Здесь сидеть нет никакого смысла. Авось доберемся. Ты подожди, я соберу кое-что.

4

Лупцов удивился, увидев на улице довольно много людей. Все они держались особняком, подозрительно поглядывали издали друг на друга и передвигались не шагом, а какими-то замысловатыми перебежками.

В ста метрах от дома соседи с первого этажа загружали узлы и чемоданы в багажник «жигулей». Лупцов поздоровался с ними, хотел было спросить, в какую сторону они поедут, а те, словно подозревая Лупцова в какой-нибудь пакости, лишь сильнее засуетились, кулаками забили последний узел в машину и быстро уехали.

– Ну, небо! – задрал голову, в который раз удивился Иван Павлович. – Сроду такого не видал.

В сторону Кольцевой по проспекту проследовала группа велосипедистов с рюкзаками. От них шарахнулся рыжий бородач в черном задрюканном пальто и с офицерским планшетом через плечо. Он бежал, пригнувшись и все время оборачиваясь, словно на передовой. Увидев Лупцова с Иваном Павловичем, бородач взял сильно вправо, оглябая незнакомых людей, и Лупцов не отказал себе в удовольствии, пошутил:

– Вон, вон, смотри, сзади...

Бородач испуганно обернулся, выругался, показал шутнику кулак и последовал дальше.

– Дожили, – покачав головой, проговорил Лупцов. – Все с ума посходили. Потом выяснится, что ничего особенного не произошло, что запустили какую-нибудь ракету или физики чего-то перепутали, но будет поздно. Страна превратится в большой сумасшедший дом.

– Уже превратилась, – откликнулся Иван Павлович.

Они дошли до поворота и еще издали услышали выстрелы, крики и звон разбиваемого стекла. Лупцов с Иваном Павловичем прибавили шагу и вскоре увидели, как толпа человек в тридцать вдребезги разнесла закрытые двери универсама и ворвалась внутрь. Два обескураженных милиционера, один без фуражки, с расцарапанной щекой, стояли перед развороченным входом и что-то друг другу доказывали.

– Ну вот, народ в своем репертуаре, запасается продуктами, – мрачно пошутил Лупцов.

– Да, не мешало бы, – ответил Иван Павлович. – Сейчас не запастись, завтра поздно будет, все растащат. Может, пойдем, Игорек, купим, пока есть?

– Иван Павлович, – укоризненно протянул Лупцов, – у кого купим, у милиционеров? Или у этих мародеров?

– Ну, так возьмем, – мучаясь от желания присоединиться к погромщикам, ответил Иван Павлович. Он с тоской проводил взглядом милиционеров, нырнувших в пробитую брешь, и добавил: – Вон и милиционеры полезли.

– Пойдемте, пойдемте, Иван Павлович. – Лупцов взял его за руку и перевел на другую сторону улицы. – Воровство, оно в любое время воровство, даже в военное. Ну что вам две пачки геркулеса или пшена? А больше и положить некуда. Мараться за шестьдесят копеек.

– Нет! – громко возмутился Иван Павлович. Момент был упущен, возвращаться казалось неудобным, а вернее, фраза Лупцова о воровстве несколько охладила пыл Ивана Павловича, и он обиделся на своего соседа. – Нет, – повторил он, – не за шестьдесят копеек. В военное время, между прочим, жратва имеет другую цену. И вообще, здесь дело не в деньгах. Две пачки геркулеса могут моей семье жизнь спасти. Ты этого не знаешь, а я уже одну войну прошел.

– Ну извините, Иван Павлович, если обидел, – примирительно сказал Лупцов. – Но так вот, с боем брать магазин, все равно... Да и пристрелить могут. Видели, у милиционеров пушки. Возьмут шлепнут одного, чтоб другим неповадно было. Им-то все равно, кого...

Они прошли уже несколько коротких автобусных остановок, пересекли площадь и яблонево-университетской аллеей направились к центру. Иван Павлович, надувшись, все время перекидывал сумку из одной руки в другую и молчал. А Лупцов вдруг занервничал и замедлил шаг. Он издали приметил двух каких-то подозрительных типов, которые, прячась между деревьями, шли в том же направлении. На всякий случай Лупцов увлек своего спутника на противоположную сторону и только сейчас, переходя дорогу, обратил внимание на то, как изменился асфальт – он словно бы покрылся голубовато-серебристой слизью, которая местами поблескивала окалиной, а где-то переливалась жирными нефтяными разводами.

Двух типов Лупцов с Иваном Павловичем догнали недалеко от желтой стены правительственных особняков. Вид у этих состарившихся гаврошей был пренеприятный, словно парочка не один год прожила на свалке. Неожиданно бродяги ни с того ни с сего кинулись друг на друга и в полной тишине начали драться. Правда, получалось это у них как-то подозрительно бестолково: ханыги размахивались с полным разворотом туловища и, как на цирковом ковре, не попав по противнику, падали по инерции на асфальт. Потом поднимались и снова падали.

– Это, кажется, они, – тихо сказал Лупцов, а Иван Павлович и сам уже почувствовал, что здесь не все чисто, но, чтобы удостовериться, так же тихо спросил:

– Кто они?

– Если бы я знал, кто, – сквозь зубы процедил Лупцов. – Они – это значит: не мы. Интересно, для чего они нам все это показывают? Хорошо бы узнать, что у них на уме. Может, подойдем, спросим? – полушутя спросил Лупцов. – К нам они вроде бы пока не пристают.

– Эх, попались бы они мне на передовой, я бы им навалю, – проворчал Иван Павлович, но знакомиться с бродягами не пожелал.

Как только Лупцов с Иваном Павловичем перешли дорогу, бродяги прекратили драться. Они постояли некоторое время под деревьями, а затем также, перебежками от дерева к дереву, двинулись в обратную сторону.

До набережной они добрались без приключений. Всю дорогу Лупцов тщетно пытался мысленно нарисовать картину катастрофы и определить ее масштабы, но чувствовал, что имеющихся у него знаний недостаточно. Все это выходило за рамки его жизненного опыта, который, как оказалось, ограничивался очень скромным набором привычных ситуаций, банальных правил и определений да десятком условных рефлексов. Тем же самым занимался и Иван Павлович, но в отличие от своего спутника он не ломал голову над неразрешимой задачей, поскольку вообще не был склонен к абстрактным размышлениям. Все, что каким-то образом не вписывалось в его представления о мирной жизни, признавалось им враждебным, а следовательно, требовало перехода на военное положение и немедленного отпора.

Как бы в подтверждение его мыслей, за полкилометра до каменного моста Окружной железной дороги они наткнулись на плакат-уведомление, на котором в спешке черной краской было криво наклеено: «Проезд и проход в центр закрыт! Стреляем без предупреждения!»

– Ну вот, – с отчаянием в голосе сказал Иван Павлович. – А как же пройти-то? Без предупреждения они стреляют, сволочи!

Стоя у плаката, Лупцов всматривался вперед. Метрах в трехстах впереди улица была перегорожена наспех построенной баррикадой, за которой виднелись фигурки людей в военной форме. Особенно много их было у моста, солдаты там стояли вплотную друг к другу.

– М-да, – промычал Лупцов. – Мост, сами знаете, оборонный объект.

– А мне-то что делать?! – сорвался на крик Иван Павлович. – Объяснить-то они могут? Вот это написали, а что случилось, никто не говорит. Если война, так и скажите – война. Чего они людям голову морочат?

– Успокойтесь, Иван Павлович. Скорее всего, никакой войны нет. Может, они и сами не знают, что произошло, а мост на всякий случай охраняют от этих. – Лупцов кивнул назад, где остались дерущиеся бродяги. – Теперь только в обход, через Окружную.

Иван Павлович в сердцах плюнул на дорогу и открыл рот, чтобы разразиться словами справедливого негодования, как из заросшего пыльной сиренью палисадника послышались надрывные детские крики. И Лупцов, и Иван Павлович сразу узнали голос – кричала внучка Ивана Павловича. Но это был какой-то несвойственный для семилетнего ребенка, неживой заунывный стон:

– Дедушка, помоги! Дедушка, милый, помоги!

Иван Павлович мертвенно побледнел, уронил сумку и рванулся было вперед, но Лупцов загородил ему дорогу:

– Стойте, Иван Павлович. Это не Мариночка, честное слово. Это они. На моих глазах вот так же попался лейтенант. Вы же знаете, что ваши на даче.

За несколько секунд лицо Ивана Павловича претерпело столько изменений, что казалось, за это короткое время он по новой пережил всю свою богатую трагическими событиями жизнь. Сжав губы, он громко сопел, но сопротивлялся слабо и очень не настаивал. Иван Павлович чувствовал, что кричит не внучка, но голос был так похож, а страх за своих настолько велик, что ему стоило огромного труда удерживать себя.

Наконец он с ненавистью проговорил:

– Пойдем посмотрим, кто это.

– Нельзя, – ответил Лупцов. – Один уже посмотрел.

– Тогда пойдем убьем эту гадину!

– Чем? – усмехнулся Лупцов. – Ты видел ее... или его? Булыжником эту тварь не возьмешь. Там пулемет нужен, а лучше – граната.

А в кустах уже изменили тактику. Послышались сразу два голоса: жены Ивана Павловича и внучки.

– Ваня! – душераздирающе, словно на дыбе, простонала жена. – Ваня, не могу больше, помоги! – Внучка же не звала больше, а рыдала во весь голос и громко, взхлеб, причитала:

– Дедушка, дедушка, дедушка...

– Пойдем отсюда, – задыхаясь от негодования, проговорил Иван Павлович. – Или я сейчас в рукопашную пойду.

Из-за поворота показалась легковая машина. На большой скорости она проскочила мимо плаката, и со стороны моста тут же раздалась автоматная очередь. Стреляли предупредительными вверх, и легковушка, взвизгнув тормозами, пошла юзом и развернулась поперек дороги. Кто-то из военных дал очередь понизу, и автоматные пули взрыли асфальт в метре от передних колес автомобиля. Водитель открыл дверцу, хотел было выйти, но следующая короткая очередь прошла дверь автомашины, и владелец ее счел более правильным отступить. Он резко дал задний ход, виртуозно развернулся и был таков.

Когда началась стрельба, Лупцов и Иван Павлович поспешили убраться с дороги, поближе к желтой стене. Не дожидаясь развязки, они вернулись на перекресток и, все время оборачиваясь, поспешили в сторону проспекта Вернадского.

– Может, пойдем домой? – предложил Лупцов. – К центру, наверное, все дороги перекрыли. Что зря по улицам колесить? Того и гляди под пули залетим.

Иван Павлович промолчал. Астматически, с присвистом дыша, он очень целенаправленно шел вперед и беззвучно шевелил губами.

5

И все же им пришлось вернуться. Иван Павлович хотя и храбрился, но довольно быстро выдохся. Он все время кряхтел и охал, перекидывал тяжелую сумку из руки в руку, пока, наконец, Лупцов не отобрал ее силой.

Обратно они шли по улице Удальцова, сделав довольно приличный крюк. Иван Павлович от усталости едва волочил ноги, но из самолюбия старался не отставать от своего спутника. Он часто виновато поглядывал на Лупцова и по-коровьи шумно вздыхал.

– Я бы бросил ее, но сам знаешь, там продукты и документы, – в очередной раз завел он разговор о сумке.

– Да ладно вам, – отмахнулся Лупцов. – Я все-таки помоложе, донесу. Давайте остановимся, перекурим. Мне тоже надоело перебирать ногами.

Во дворе дома, в детской песочнице, они увидели семью из четырех человек. Родители и двое детей сидели на бортике и перекусывали, разложив свертки с едой на коленях и рюкзаках. Отец семейства одновременно был похож и на спортсмена, и на торговца, и на официанта. Его жена, одного с ним возраста, видимо, первая, она же и последняя любовь, выглядела намного старше своего супруга. Измученная, с ярко и грубо накрашенным лицом и безвкусными кудряшками, она больше походила на домработницу или воспитательницу его детей. Ее унылое лицо, сутуловатость и некоторая схожесть с меланхолично жующей овечкой чем-то показались знакомыми Лупцову.

Отец семейства, у которого на коленях лежала двустволка, насторожился, локтем придвинул ружье к животу, а когда Лупцов с Иваном Павловичем подошли поближе, громко и внушительно предупредил:

– Не подходи, буду стрелять! – После этих слов он отложил хлеб в сторону, взял ружье и навел стволы на двух незнакомцев.

Иван Павлович мгновенно остановился, будто наткнулся на невидимую стену. Он хотел было возмутиться, но Лупцов опередил его и доброжелательно сказал:

– Не подойдем, не бойтесь. Мы только хотели выяснить, что случилось. Может, вы знаете?

– Если бы знал, я бы давно академиком был, – спокойно ответил отец семейства.

– А куда вы идете? – стараясь говорить как можно мягче, спросил Лупцов. – Я не так просто спрашиваю. Мы уже несколько часов кружим по улицам. В центр не пускают. Что делать, непонятно.

– Мы тоже ничего не знаем, – ответил отец семейства. – Дома жить невозможно, черт-те что творится. Сплошной полтергейст. Нашествие барабашек. «Войну миров» читал? – Его жена, видимо, долго крепившаяся, как была с полным ртом, так и разрыдалась, и тут же вслед за ней заплакали дети.

– На «Войну миров» это непохоже, – сказал Лупцов и бросил сумки на землю. – У тебя спички есть? Свои дома забыл.

– Есть, – ответил отец семейства. Он полез в карман, достал коробку, но, как только Лупцов двинулся к нему, снова взялся за ружье. – Не подходи. Стой лучше там. – После этого он бросил спички Лупцову.

Курил Лупцов совсем недолго. Его раздражал этот тип с двустволкой и жующая плачущая женщина. Сделав несколько затяжек, он отшвырнул сигарету и кивнул Ивану Павловичу. Тот сидел на своей сумке и рассматривал под ногами голубовато-серебристую плесень. Он даже потрогал пятно пальцем, понюхал его и вытер о брюки.

По дороге домой им часто попадались люди с рюкзаками, сумками и даже мешками. На лицах у всех было одно и то же выражение: недоуменный страх и ожидание, и лишь один

раз откуда-то из-за дома выскочил здоровый, разбойничьего вида молодой человек с кривым толстым дрыном в руках. Еще издали парень заорал:

– Мужики, слышь, мужики. Что случилось-то?

– Сами не знаем, – на ходу ответил Лупцов.

– Вы не эти?.. – крикнул громила и покрутил дрыном в воздухе.

– Не эти, не эти, – ответил Иван Павлович. Поверив на слово, здоровяк пошел рядом и принялся рассказывать, как у магазина он увидел длинную очередь, подошел узнать, зачем стоят, но на него никто не обратил внимания.

– Все молчат и только рожи корчат. Страшно, – признался парень, – честное слово, страшно стало. Я на лица смотрю, а у них глаза у всех, как стеклянные. А сами толкаются, дергают друг друга за волосы... А руки у всех какие-то опухшие... ты бы видел. У тебя курить есть? – обратился он к Лупцову. Получив сигарету, парень со смехом продолжил: – Я их вот этой дубиной разогнал. Знаешь, бью, а они как резиновые, палка отскакивает.

Лупцов представил, как этот громила в одиночку отметелил толпу, и спросил:

– И что, разбежались?

– А как же, – самодовольно ответил парень, а затем поправился: – Ты знаешь, честно говоря, я не понял. Они вроде бы и разбежались. Я же тебе говорю, жутко смотреть. Я их дрыном охаживаю, а им хоть бы что. Разошлись и снова давай друг друга дубасить. Цирк! – Здоровяк махнул кому-то рукой на прощанье и сказал: – И чего народ боится? Их же мало. Час назад тварь какую-то в яме сожгли. Визжала, как свинья.

Лупцов вспомнил лейтенанта милиции, и его слегка передернуло.

Домой они вернулись ближе к вечеру. Солнце закатилось за крыши домов, и небо сделалось таким плотным и сочным, таким насыщенным, словно в воздушную толщу влили изумрудную зелень и хорошенько размешали.

Свою квартиру Иван Павлович нашел открытой, с изуродованной дверью. Внутри царил разруха, будто по ней прогнали стадо слонов. В поисках припрятанных сокровищ грабители повыкидывали из ящиков все вещи. Коробки и чемоданы были варварски раскурочены, а стекла в шкафах и посуда зачем-то перебиты.

От неожиданности и возмущения Иван Павлович долгое время изъяснялся одними междометиями. Он ловил ртом воздух, кидался из одной комнаты в другую и наконец обрел речь:

– Мародеры! Суки! Паразиты! Такого даже в войну не было!

– Да, действительно, не стоило уходить, – сочувственно проговорил Лупцов. – Пойду я, Иван Павлович, посмотрю, как у меня. Брать там нечего. Перевернут только все, гады, убирай потом за ними.

– Ты посмотри – и назад, ладно, Игорек? – попросил Иван Павлович. – Я не боюсь. Нет. Просто противно теперь здесь сидеть. Это же помойка, а не квартира.

– Так, может, пойдем ко мне? – предложил Лупцов. – Ну что теперь, сторожить, что ли, это? – Он кивнул на разбросанное белье, бумаги и фотографии.

– Нет, Игорек, надо убрать, – ответил сосед. – Мои вернутся – испугаются. Ты давай возвращайся. У тебя небось и есть нечего. А у меня консервы. И хлеб найдется.

Пообещав появиться через полчаса, Лупцов поднялся к себе. Его квартира оказалась нетронутой, и о катастрофе напоминал только им же самим разбитый телефон, чьи-то допотопные чемоданы и рюкзаки. Лупцов попытался было перетащить вещи из комнаты в прихожую, но они оказались неподъемными, и он отказался от этой затеи.

Лупцов прошелся по комнате, поддел ногой кусок телефонной трубки и сел на диван. Отвратительное ощущение, будто за ним кто-то все время наблюдает, что в квартире находится кто-то чужой, не отпускало. Это раздражало его, и, когда в прихожей раздались шаги, Лупцов вздрогнул, напрягся, как перед ударом, и с большим трудом удержался от желания встать с дивана и вооружиться чем-нибудь потяжелее.

Лупцов сразу понял, что это не грабители – дверь была закрыта на замок, и он не слышал, чтобы кто-то открывал ее или пытался это сделать.

Развернувшись к двери, он с сильно бьющимся сердцем замер в ожидании непрошеного гостя и, когда в комнату вошел Иван Павлович, вздохнул с облегчением.

– Ф-фу, как вы меня напугали, – сказал он и осекся. Еще не договорив, Лупцов вспомнил, что дверь закрыта, а значит, сосед никак не мог войти в квартиру без его помощи.

Иван Павлович-второй ничем не отличался от оригинала. Лжесосед вошел молча и, не глядя на хозяина квартиры, сел на другом конце дивана.

Некоторое время Лупцов приходил в себя, успокаивался, пытался восстановить нормальное дыхание. При этом он не отрываясь смотрел на пришельца и лихорадочно соображал, что предпринять. А Иван Павлович-второй, совершенно не обращая внимания на Лупцова, чесал ноги, самозабвенно ковырял в носу и иногда, прикрыв глаза, словно китайский болванчик, покачивал головой.

Апофеозом бессмысленности прозвучали слова пришельца, которые напугали Лупцова больше, чем само появление. Он вдруг резко выпрямился, как-то судорожно, в несколько приемов, раскрыл рот, и из глубины его тщедушного тела послышался скрипучий утробный голос:

– Дура, черт, сколько раз я тебе говорил, не трогай газету. Слышь, что ли, шалава старая?

Лупцов долго не решался покинуть квартиру, и лишь когда стало заметно, что на улице совсем стемнело, когда он осознал, что рискует остаться с незнакомцем в абсолютной темноте, Лупцов медленно поднялся. Встал и лжесосед.

– Что вам, в конце концов, надо? – дрожащим голосом проговорил он. – Какого черта вы лезете в нашу жизнь? А если все же пришли, то объясните хотя бы, зачем.

Гость молча повернулся к Лупцову всем корпусом, оскалился в безумной улыбке, сунул пальцы правой руки в рот и с остервенением принялся их жевать.

Осторожно, чтобы не разъярить Ивана Павловича-второго еще больше, Лупцов обошел его и выскочил из квартиры.

И все же он успел заметить, что на укушенной руке совсем не было крови. Лжесосед грыз ее, как тряпку, и весь этот спектакль, видимо, имел одну цель – напугать или вызвать отвращение.

6

Лупцов пулей выскочил из квартиры, захлопнул за собой дверь и приложился ухом к дверной щели. В квартире было совершенно тихо. Зато внизу кто-то изо всей силы хлопнул входной дверью. Затем с улицы послышались одиночные выстрелы и крики.

Лупцов подошел к окну. Небо из зеленого сделалось совсем темным и плотным, как бронированный бок бронетранспортера. Не горели ни уличные фонари, ни окна домов, и разобрать что-либо не было никакой возможности.

Почти в полной темноте Лупцов спустился на этаж ниже, на ощупь нашел дверь квартиры Ивана Павловича и толкнул ее. Она легко поддавалась, и Лупцов увидел на стене слева слабые, дрожащие отсветы огня. Это означало, что Иван Павлович, запасливый человек, сидит на кухне при свете свечи.

– Иван Павлович, – позвал Лупцов и, не дожидаясь ответа, прошел на кухню. Хозяин квартиры сидел за столом с большим колбасным тесаком в руке и затравленно смотрел на соседа.

– Ага, значит, вас тоже навестили? – догадался Лупцов. Он сразу сообразил, в чем дело, и интуитивно почувствовал, что сейчас лучше вести себя с соседом поосторожнее. Иван Павлович, похоже, был близок к невменяемости.

– Кто к вам приходил, Иван Павлович? – спросил Лупцов. – Да вы не бойтесь, это я, Игорь.

– Здорово, Игорь, – как-то очень напряженно проговорил Иван Павлович.

– Мы уже здоровались сегодня, Иван Павлович. Забыли? Мы с вами сегодня весь день болтались по улицам. – Лупцов специально упомянул о дневном походе, чтобы развеять подозрения соседа. Затем он сел напротив хозяина, положил обе руки на стол и спросил: – Так кто к вам приходил?

Иван Павлович судорожно сглотнул, затем протяжно и мучительно застонал, прижал локти к животу и согнулся пополам.

– Что это с вами, Иван Павлович? – испугался Лупцов.

– Не знаю, – сквозь зубы ответил сосед.

– Может, водички попить? – предложил Лупцов и встал, а Иван Павлович сразу выпрямился, откинулся на спинку и злобно процедил:

– Не подходи!

Лупцов снова сел на свое место.

– Да вы положите нож, – мягко сказал он, – не бойтесь, я настоящий. Между прочим, ко мне тоже сейчас заглянул гость. Точная копия вас. Сидел рядом со мной на диване и чревоуещал. Страшно, честное слово. Кстати, – вспомнил Лупцов, – вы грозились накормить меня консервами с хлебом. Давайте угощайте.

– погоди, Игорь, – признав, наконец, в Лупцове соседа, простонал Иван Павлович. – У меня что-то с животом. Схватки прямо родовые. Вроде ничего не ел сегодня. С утра только молока с хлебом. Ф-фу... – Иван Павлович сразу как-то обмяк, расслабился и через некоторое время пояснил: – Отпустило.

– Ну так кто у вас был, я, что ли? – поинтересовался Лупцов. Ему было страшно интересно узнать, в каком виде предстал перед соседом его двойник.

– Ты, ты, – ответил Иван Павлович. – Что б им сдохнуть всем!

– Ну и что? – тихо, будто боясь спугнуть, спросил Лупцов.

– Ничего. С тобой девка была. С седьмого этажа, школьница. – Лупцов смущенно и как-то неприлично хихикнул, и Иван Павлович сразу откликнулся: – Вот-вот. Я об вас швабру сломал. Начали здесь...

– Я даже не знаю, как ее звать, – начал оправдываться Лупцов. – Честное слово. Разве что... в мыслях позволял. – Он пожал плечами, задумчиво поскреб подбородок, и вдруг лицо его осветилось догадкой. – Кажется я понял, Иван Павлович. Это все наше паскудство на свет божий повылазило. Точно-точно. Видно, у него тоже имеется своя критическая масса. А эти «гости» просто вытащили из квартир и темных углов все наше непотребство. Я даже думаю, что они и не живые вовсе – двойники наши. Может, даже и не разумные. По-моему, они совершенно не соображают, что делают и говорят. В общем, это наши материализовавшиеся пороки. Вернее, отражения пороков. Вы заметили, они же совсем безобидные. Это не они громят магазины и грабят квартиры. Это делают люди, а они только подражают и зачем-то кривляются. Но вот увидите, когда все закончится... если закончится, все спишут на них.

– А эти – «дедушка, помоги» – тоже безобидные? – зло спросил Иван Павлович.

– А черт его знает, – ответил Лупцов.

– Ладно, – через силу проговорил Иван Павлович и, охнув, снова согнулся пополам. Даже при колеблющемся свете свечи видно было, как вздулась от напряжения его дряблая шея и побагровело лицо. Иван Павлович зарычал, как это бывает при рвотных спазмах, и упал на колени. Лупцов же сорвался с места и едва успел подхватить соседа.

– Да вы отравились, Иван Павлович, – всполошился Лупцов. – И телефон не работает, врача не вызовешь. Марганцовка у вас есть?

Сосед не ответил. Он хрипел, как умирающий, раскачивался из стороны в сторону и все норовил улечься на пол.

– Иван Павлович, вы только не умирайте, – не на шутку испугался Лупцов. – Этого нам еще не хватало. – Он устроил соседа поудобнее на полу, взял свечу и бросился в ванную комнату, где, как он помнил, висела домашняя аптечка.

Когда Лупцов вернулся на кухню с большим целлофановым мешком таблеток, Иван Павлович уже успокоился. Он лежал без движений, разбросав руки и ноги в разные стороны. Лупцов наклонился над ним, установил свечу поближе к изголовью соседа, и потряс его за плечо. Даже непрофессиональным глазом видно было, что Иван Павлович покинул этот мир. Нижняя челюсть у него отвисла, обнажив желтые, прокуренные зубы, глаза не мигая смотрели в потолок, а пламя свечи едва-едва отражалось в быстро помутневших, словно затянутых бельмами, зрачках.

Некоторое время Лупцов с недоумением и ужасом разглядывал своего соседа. Он никак не мог поверить в эту загадочную смерть. Одновременно его терзали обида и отчаяние от невозможности что-либо предпринять.

– «И вышел другой конь, рыжий, – с трудом сдерживая слезы, дрожащим голосом проговорил он. – И сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч».

Рядом с трупом соседа Лупцов просидел не менее часа. Все это время он мучительно доискивался причины скорой смерти. Искал ее в последних событиях, в приходе собственного двойника, который на удар шваброй мог ответить каким-нибудь совершенно неизвестным, невидимым глазу ударом.

Лупцов боялся уходить из незапертой квартиры Ивана Павловича. Чтобы вернуться к себе, ему потребовалось бы подняться по темной лестнице на этаж, и от одной мысли об этом кожа у него покрывалась мурашками. Однако дома его тоже не ожидало ничего хорошего, но остаться здесь означало провести ночь в компании с мертвецом.

Уходя Лупцов обратил внимание на старенький велосипед, подвешенный под потолком. Иван Павлович часто ездил на нем ловить рыбу на соседние пруды. Лупцов подумал, что велосипед больше никогда не понадобится хозяину и его домочадцам, а потому решил, как только рассветет, забрать машину и уехать из этого чертова города куда-нибудь поближе к природе.

Вернувшись к себе, Лупцов задвинул диван в дальний угол комнаты, на стол поставил зажженную свечу, рядом положил туристический топорик и, укрывшись одеялом, лег лицом к двери. Довольно долго он полулежал с открытыми глазами и прислушивался к каждому шороху. Едва ощутимый сквозняк трепал пламя свечи, отчего по стенам и мебели судорожно скакали замысловатые тени. Лупцов часто вздрагивал от неожиданности, когда, очнувшись от полузабытья, принимал скольжение теней за невесть откуда взявшихся нелюдей, с некоторых пор поселившихся в его квартире.

По проспекту, мимо дома, изредка проскакивали машины, Один раз где-то далеко трещоткой простучала автоматная очередь. Внизу, скорее всего на первом этаже, разбили стекло, и после этого послышался леденящий душу женский крик. Лупцов приподнялся на локтях, беспокойно обшарил взглядом комнату и снова лег.

И все же сон одолел его. Лупцов уснул, крепко сжав в руке топорик, словно этот походный инструмент мог пригодиться ему за пределами реального мира.

7

Проснулся Лупцов от того, что зазвонил будильник. Он открыл глаза и посмотрел на часы. Стрелки, как и вчера, показывали двенадцать, но будильник трезвонил, как порядочный, и не собирался умолкать.

Лупцов встал с дивана, постоял немного, приходя в себя со сна, и по привычке отправился в ванную. В полутемной прихожей он чуть не столкнулся с каким-то субъектом, в котором сразу признал своего двойника. Лупцов вздрогнул от неожиданности, отступил назад в комнату, а двойник с бесстрастным лицом проследовал мимо него, лег на диван и укрылся одеялом.

– Вот сволочь, – с ненавистью прошептал Лупцов. Надежда на то, что вчерашний кошмар привиделся ему во сне, сразу улетучилась. За окном все так же нависало тяжелое нефритовое небо, и это означало, что жизнь не только облачилась в другие одежды, но и «сожгла карму», а значит, привычного прошлого больше не существовало.

– Эй ты, – обратился Лупцов к пришельцу и дернул за край одеяла. Двойник приподнял голову и вдруг как-то очень некрасиво, рывками раскрыл рот и скрипучим голосом проговорил:

– Тихо, тихо, пеструшка, а то услышат. Тихо, тихо, не бойся. Все будет хорошо.

– Сволочь, – уже спокойнее повторил Лупцов. Он подумал о том, что ему все равно придется отсюда уходить, что в такие времена, когда нарушается привычный ход времени и событий, а люди превращаются в напуганных животных, дом перестает быть необходимым атрибутом человеческого существования и даже становится опасным, поскольку привлекает к себе охотников. Поэтому-то первыми и гибнут те, которые более всех привязаны к дому, а значит, правы буддисты, утверждающие, что все человеческие беды проистекают от привязанности.

Надев резиновые сапоги, Лупцов взял сумку с вещами, в последний раз окинул взглядом свое жилище и сказал двойнику:

– Прощай, засранец. Квартира – твоя.

В прихожей у Ивана Павловича Лупцов поскользнулся и едва удержался на ногах. Пол квартиры тускло поблескивал голубоватой порослью той самой плесени, что он видел на обратном пути. Осторожно ступая, Лупцов вошел на кухню, и глазам его предстала сколь жуткая, столь и удивительная картина: Иван Павлович лежал на полу в той же позе, но как бы укрытый дорогой ворсистой тканью. Он был похож на гигантский кокон в этой поросли, которая особенно густо и высоко принялась на открытых участках тела. Лицо лишь угадывалось под мохнатой звериной маской цвета бирюзы, а изо рта высокими мясистыми стрелками поднимались толстые серебристые стебельки.

Стоя над трупом, Лупцов вспомнил, как вчера Иван Павлович легкомысленно потрогал на земле зловещего вида пятно. Вспомнил и сообразил, что именно из-за этого и умер сосед.

Покидая квартиру, Лупцов пнул наполовину заросшую плесенью сумку Ивана Павловича. Остановившись, он осторожно, будто имеет дело со взрывчаткой, расстегнул молнию и заглянул внутрь. Сверху лежали пакеты с супом, несколько пачек риса и соль. Все это Лупцов переложил в свою дорожную сумку и, сняв со стены велосипед, не мешкая покинул квартиру.

То, что Лупцов увидел на улице, поразило его не меньше, чем экзотическая смерть соседа. Если сутки назад попадались лишь отдельные островки необыкновенной плесени, то сейчас абсолютно все: и земля, и асфальт, и скамейки перед домом, и ошипанные кусты вдоль фасада – все было покрыто ровным серебристо-голубым ворсом. Плесень добралась даже до окон первого этажа, до половины окутала стволы деревьев, и даже страх перед неизвестной опасностью не помешал Лупцову восхититься этим фантастическим, неземным ковром с голубоватым металлическим блеском.

Лупцов пришел в себя, когда увидел на обратной стороне проспекта, у булочной, живой факел. Какой-то бедолага облил себя бензином и подпалил, а затем от невыносимой боли начал метаться по тротуару и истошно орать. Упав, несчастный принялся кататься по асфальту, пытаясь сбить пламя, но вскоре затих. Бензин прогорел довольно быстро, а обгоревшие лохмотья еще долго дотлевали на обуглившемся трупке.

Прикручивая сумку веревками к багажнику, Лупцов торопился. Он бормотал какие-то проклятия, искоса поглядывал на обгоревший труп и думал о том, что жизнь, в сущности, кончилась и для него и что отвоеванные у смерти несколько дней лишь продлят его мучения, а затем сделают невыносимой и саму мысль о смерти. Лупцов вспомнил, что когда-то он уже думал о возможной гибели человечества. Вспомнил о том, какой страшной показалась ему эта мысль, но если тогда это были досужие фантазии, то сейчас «зверь с семью головами и десятью рогами» предстал перед ним воочию. Вид развороченного фасада булочной на фоне холодного, ледящего душу апокалипсического пейзажа символизировал собой что-то глубоко враждебное человеку, какой-то новый исторический период в жизни планеты. Люди с такой легкостью были исключены, выброшены из общего хода жизни, что Лупцов подумал: «Нас просто выгоняют. Нас стало слишком много, и Некто решил провести дезинсекцию. А мог бы откачать воздух или погасить солнце. Люди больше не нужны. И неизвестно, сделали мы то, для чего появились, или нет? И спросить не у кого».

Он уже отъехал на порядочное расстояние от дома, миновал два перекрестка и свернул к Кольцевой автодороге. В абсолютной тишине слышно было, как под колесами велосипеда похрустывают сочные стебли плесени.

Страшная обида за все человечество душила Лупцова: их прогоняли, не предъявив никакого обвинения, хотя о содержании последнего легко можно было догадаться.

Изредка на своем пути Лупцов встречал все тех же странных лжелюдей. Они возникали на дороге вдруг, поодиночке и целыми компаниями, перебегали дорогу перед самым носом у Лупцова, занимались на обочине разным непотребством и гоготали, словно урловые подростки в последнем ряду кинотеатра при виде голый задницы на широкоформатном экране. Кривляния их походили на бестолковые и суетливые игры обезьян, и это было тем более страшно и непонятно, потому что выглядели они вполне нормальными людьми, гораздо более нормальными, чем некоторые сослуживцы или соседи Лупцова.

К вечеру Лупцов отмахал от Кольцевой дороги километров тридцать. На протяжении всего пути он видел одну и ту же картину: лес или густые заросли деревьев и кустарника напоминали инопланетные джунгли. Здесь, за городом, плесень, очевидно, росла еще быстрее: деревянные дома заросли по самые крыши, голубая бахрома свисала даже с проводов, и каждый населенный пункт напоминал Лупцову никогда не виденные им древние заброшенные города.

Остановился Лупцов из-за того, что порядком устал, а главное, крайний дом, с которым он поравнялся, был менее всего тронут голубой заразой. Он стоял свеженький, недавно отстроенный, внося ощутимый диссонанс в общую картину. Аккуратно ошкуренные бревенчатые стены дома прямо-таки сияли на однообразном серебристо-голубом фоне.

– Неужели?! – вырвалось у Лупцова. – Таинственный остров. Оазис в голубой пустыне. – Он подошел к калитке и заглянул во двор. Там было все то же самое, что и везде, с той лишь разницей, что плесень покрывала только землю, словно дом этот свалился с неба несколько секунд назад.

Лупцов толкнул велосипедным колесом калитку и прошел во двор. Не доходя до крыльца, он долго звал хозяев, но не докричавшись, поднялся по ступенькам, раскрыл дверь и вошел внутрь дома. Это человеческое жилище не казалось брошенным впопыхах. Все здесь стояло на своих местах, порядок был образцовый, словно хозяева вышли на минуту по каким-то своим делам.

Лупцов осмотрел все три комнаты, пытаясь угадать, кто здесь жил или живет. Он еще надеялся увидеть владельцев дома, ждал, что вот-вот появятся люди, но отсутствие следов во дворе говорило об обратном.

В одной из комнат у окна Лупцов обнаружил школьный телескоп, стоящий на самодельной, основательно построенной треноге. Этот совершенно ненужный в домашнем хозяйстве предмет натолкнул Лупцова на мысль, что в доме жил человек, который любил по ночам смотреть на звезды, и этого астронома либо заманило и сожрало чудовище из ямы, либо он заразился по неосторожности плесенью и превратился, как его сосед, в колосющийся холм.

Лупцов заглянул в круглый глазок телескопа и увидел темное окошко соседнего дома.

– М-да, на звезды ли? – огорчившись, проговорил он. Весь этот звездно-космический романтизм, навеянный видом телескопа в сельском доме, моментально улетучился.

Лупцов вышел из комнаты и обнаружил, что следы, оставленные им в прихожей и гостиной, уже засеребрились и даже обрели собственную толщину. Открытие напугало Лупцова, но совершенно неожиданно он набрел взглядом на паяльную лампу, и остаток вечера ушел у него на обеззараживание пола и крыльца.

Вскоре небо, как и в прошлый вечер, сделалось темно-зеленым, отчего казалось, будто свет в окна проникает через густые заросли кустов.

Не дожидаясь полной темноты, Лупцов достал хлеб и банку консервов. Заканчивал трапезу Лупцов на ощупь. Так же на ощупь добрался до дивана, скинул сапоги и не раздеваясь улегся.

Уснул Лупцов быстро, сказалась долгая велосипедная езда, к которой он не привык, и долгие переживания. Засыпая, Лупцов увидел, что комнату по диагонали пересекает едва видимая белесая фигура в длинном балахоне. Мерцание бестелесного существа было таким слабым, что Лупцов принял видение за многократно отразившийся от стен и потолка отблеск луны.

8

Проснулся Лупцов рано утром в абсолютной тишине, которая, возможно, и послужила причиной его пробуждения. Он долго лежал, глядя за окно на зеленое небо. Мысли его, вялые и путанные со сна, были лишь неясным отражением окружающего, бесформенными осколками тех событий и впечатлений, что он успел пережить за эти сумасшедшие дни.

Блуждая взглядом по комнате, Лупцов увидел рядом с собой, на тумбочке, небольшой изящный томик в сафьяновом переплете и пожалел, что не захватил с собой два последних сборника фантастики, которые он приобрел накануне. Он лениво дотянулся до книги, раскрыл ее и прочел первое, что попало на глаза: «Бог Ям-Нахр говорит: Обращаюсь к тебе, отец наш Эль, Преданный тебе Река-судия. Отдайте, о Боги, того, кого приютили, того, кто у многих находит прибежище».

Читал Лупцов невнимательно, машинально повторяя про себя непонятные строчки. Затем отложил книгу и раздраженно пробормотал:

– Богов развели, хоть засаливай.

Надев сапоги, Лупцов вышел на крыльцо. Велосипед, который он прислонил к перильцам, по самый руль зарос плесенью. Следы, оставленные им вчера на дорожке, за ночь исчезли, как будто их и не было вовсе.

– «И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри», – процитировал Лупцов, не переставая поражаться, как быстро исчезает все, что было сделано человеческими руками.

Он спустился с крыльца, не торопясь дошел до калитки и даже почувствовал удовольствие – идти по толстому слою плесени было так же приятно, как по лесному мху.

Неожиданно Лупцов услышал жалобное собачье повизгивание. Он привстал на цыпочки, заглянул за забор и увидел на дороге большого черного дога с серебристыми пятнами заразы на ляжках и боках. Собака была словно бы в чулках – лапы ее сплошь покрывала голубая плесень, и Лупцов подумал, что животное уже обречено, через несколько часов плесень сожрет пса и выйдет из собачьего нутра густым сочным снопом, как это случилось с его соседом.

Лупцов свистнул догу, и тот, повинаясь своей собачьей природе, бросился к человеку, навалился на калитку всей тяжестью мощного тела и легко распахнул ее. Повизгивая от радости, бедняга завилял обрубок хвоста, заиграл литым бревноподобным туловищем, заходил кругами вокруг Лупцова, а тот, испугавшись, запричитал:

– Только не прислоняйся ко мне! Только не прислоняйся! Вылечить я тебя все равно не смогу. Хотя... если попробовать... – Лупцов подумал, что собаку можно попытаться вымыть с мылом, а потом протереть любой ядовитой гадостью, которая найдется в доме, от керосина до дихлофоса или отбеливателя.

Еще вечером прошлого дня в сених Лупцов заприметил двадцатилитровую автомобильную канистру. Как он и предполагал, в ней оказался бензин, и Лупцов, отыскав тряпку, хорошенько намочил ее и принялся лечить собаку. Дог, словно понимая, чего от него хочет человек, вертел головой, стараясь встретиться со спасителем взглядом, но стоял спокойно и даже помогал Лупцову – подставлял то один бок, то другой, приподнимал нужную лапу и часто фыркал – запах бензина был ему неприятен.

– Ну вот, кажется, все, – закончив, проговорил Лупцов и внимательно осмотрел собаку. Короткая черная шерсть дога лоснилась от бензина, мощные мускулы нервно подрагивали под кожей, а глаза смотрели на человека преданно и с благодарностью.

– Здоровый ты какой, – удовлетворенно сказал Лупцов. – Выживешь, подружимся. – Пес радостно взвизгнул, и Лупцов погладил его по голове. – Как тебя звать? У такой собаки и имя

должно быть значительным. Лорд? Хотя для Лорда ты слишком черен. А может, Люцифер? – Пес ответил басистым лаем, и Лупцов подтвердил: – Значит, Люцифер.

В доме Люцифер освоился быстро. Он устроился на полу у дивана, положил морду на лапы и мгновенно уснул. Похоже, он много времени провел на ногах, по-звериному чувствуя, что ложиться на мягкий голубой ковер нельзя и для того, чтобы спастись от смертельной опасности, надо бежать, бежать и бежать.

Спал Люцифер крепко, шумно вздыхая и повизгивая во сне от кошмарных сновидений, в которых по новой переживал еще более кошмарную действительность.

А тем временем Лупцов нашел в доме большую кастрюлю и приготовил на паяльной лампе рисовую кашу. Половину он выложил в алюминиевую миску и поставил остывать – для собаки.

Плотно позавтракав, он бесцельно побродил по дому, еще раз заглянул в подозрную трубу и, чтобы чем-то занять себя, решил прогуляться до леса, посмотреть, что собой представляют эти убийственные джунгли вблизи. Лупцов даже повеселел, размышляя о собственной судьбе, зачем-то забросившей его на этот маленький островок, который, как и все остальное на Земле, вскоре должен был исчезнуть под чудовищным натиском невесты откуда появившейся голубой заразы. Вопрос откуда все это взялось, больше не интересовал его, поскольку даже правильный ответ не мог ничего изменить. Неизбежность конца больше не пугала его, тем более что смерть имела такой привлекательный вид, а сам процесс умирания не нес в себе ничего таинственного.

Люцифер проснулся, когда Лупцов снимал с гвоздя двустволку хозяина дома. Пес вопросительно посмотрел на человека, и тот сказал ему:

– Ты поешь. Со мной ходить не надо. Сиди дома. Ты же глупый, ткнешься мордой в эту гадость – и все, помрешь. – Словно понимая человеческую речь, Люцифер подошел к миске с кашей, обнюхал ее и, громко чавкая, принялся есть.

Лупцов нажал на рычажок, разломил ружье пополам и, к своему удовлетворению, обнаружил там два патрона. Ружье оказалось заряженным.

Даже привыкнув к серебристо-голубому покрову, Лупцов был потрясен тем, что увидел в лесу. Глазам его предстала совершенно невероятная, живописная картина. Переплетенные кроны деревьев превратились в сплошной, без единого просвета, бирюзовый монолит, под которым невозможно было пройти в полный рост. Благодаря роскошным шубам расстояние между стволами сильно сократилось, а в некоторых местах деревья совершенно сомкнулись, образовав живую стену. Немногочисленные извилистые проходы соединялись в лабиринт, и Лупцов с содроганием представил, как эта колоссальная актиния пожирает где-то внутри себя все, что могло послужить ей пищей: птиц и зверей, пресмыкающихся и насекомых.

Сапоги Лупцова сантиметров на пятнадцать утопали в плесени, она отвратительно чавкала под ногами, сочные стрелки ее глухо лопались, оставляя на голенищах мокрые маслянистые следы.

Лупцов долго бродил по опушке и любовался этими дикими, фантазмагорическими пейзажами. Он думал о том, что Иоанн, в стремлении запугать своих современников, слишком переусердствовал в описании конца света. Все выглядело гораздо гуманней и приличнее, без эффектных аллегорических всадников и чудовищного зверя. На самом деле конец света был стерилен, как кипяченный скальпель, и столь же действенен. Гибель планеты можно было назвать даже красивой, поскольку все безобразное, все, что изуродовал человек, перестраивая мир на свой скудоумный лад, в считанные часы исчезло под этим удивительным покрывалом. Природа сама исправила свою ошибку. Получилось и гигиенично, и живописно.

Неожиданно Лупцов услышал треск сучьев. Он обернулся и увидел в нескольких метрах от себя лося. Огромный самец с лопатообразными рогами, шатаясь, вышел из леса и остановился. Первое, что пришло в голову Лупцову, это застрелить животное. Он снял с плеча ружье,

но застыл на месте – вид у сохатого был настолько жалкий, а в глазах читались такие тоска и ужас, что Лупцов опустил ружье. Едва ли не впервые в жизни он вывел для себя зависимость таких двух понятий, как убийство живого существа и утоление голода.

За то время, пока человек и лесной зверь стояли друг против друга, Лупцов успел как следует разглядеть лося. Тот весь был покрыт голубым налетом, губы его слегка серебрились, а это означало, что животное отравлено и жить ему осталось каких-нибудь пару часов или того меньше.

– Иди, иди, – сказал ему Лупцов, и сохатый, опустив голову, медленно вернулся в лес.

На обратном пути Лупцова заставил вздрогнуть человеческий крик. Проходя мимо небольшого овражка, он услышал уже знакомую просьбу о помощи.

– Игорьь, помоги! – каким-то знакомым женским голосом взывало к нему чудовище. Лупцов остановился, попытался вспомнить, кому он принадлежит, но так и не сумел. А существо в овраге, очевидно, приняв его остановку за колебания, закричало жалобнее и настойчивей:

– Игорек, милый, помоги же мне!

– Сейчас помогу, – зло ответил Лупцов. Взяв ружье наперевес, он осторожно пошел на голос. Ему было по-настоящему страшно, пальцы, лежащие на курках двустволки, сильно дрожали, и он боялся, что случайно может нажать посильнее и выпустить в воздух оба заряда, которые неизвестно еще как и когда могут пригодиться.

Чудовище из ямы в очередной раз дало о себе знать, и Лупцов понял, что подошел совсем близко. Оно было где-то под ним, на самом дне неглубокого овражка, среди махровых серебристо-голубых кустов.

Остановившись, Лупцов поискал глазами то место, где оно располагалось: едва заметная разница в цвете и редкие волнообразные движения выдавали искусного провокатора.

– Ну вот он я, – проговорил Лупцов, чувствуя, как его обволакивает теплым сладковатым туманом. Перед глазами у него все поплыло, и в этом тягучем и липком, как клей, воздухе начали прорисовываться какие-то неясные образы, которые, медленно сгущаясь, формировались в человеческие фигуры.

– Помоги, Игорек, – бессовестно лгал знакомый голос, и Лупцов, стряхнув с себя наваждение, вскинул ружье, навел стволы на шевелящуюся массу и с трудом прошептал:

– Сейчас помогу. Сейчас ты у меня пообедаешь картечью, поганая жаба.

И все же он не выстрелил. Лупцов вдруг услышал нечто, сильно поразившее его.

– Стреляй, Игорек, стреляй скорее. Не могу больше, – простонало чудовище. После этих слов руки у него как-то сами опустились.

Некоторое время Лупцов в растерянности стоял и смотрел на дно овражка, а тем временем бесформенная масса в яме зашевелилась, прямо посередине ее образовался голубой пузырь размером с футбольный мяч, который, словно под рукой невидимого скульптора, вдруг обрел форму головы. Постепенно на пузыре обозначились и черты знакомого лица – некой женщины с вялыми губами и страдальческим взглядом. И тут Лупцов вспомнил, где он видел женщину с подобным лицом – во время неудачного похода в центр города, когда они с покойным Иваном Павловичем зашли во дворик отдохнуть. Это была мать двоих детей из песочницы.

Лупцов тряхнул головой, словно избавляясь от морока, и только тут заметил, что две голубые женские руки, словно змеи, тянутся к нему из оврага прямо по серебристо-голубому покрову. Руки быстро удлинялись, а голос при этом не переставая душераздирающе шептал:

– Спасибо, Игорек, спасибо, милый!

Осознав наконец, что происходит, Лупцов отступил на несколько шагов, затем развернулся и бросился бежать прочь от страшного места. На бегу он бормотал проклятья, плевался и громко предрекал всей этой нечисти самый жуткий и мучительный конец. И только у калитки Лупцов остановился, глубоко вздохнул и огляделся.

– «...оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою, – с содроганием вспоминая хитроумного ловца из овражка, процитировал он. – А прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его, и все птицы напалились их трупами».

Хорошенько обработав сапоги бензином, Лупцов вошел в дом и чуть было не столкнулся с белесым, будто сотканным из тумана, привидением, которое ловко увернулось от столкновения и плавно проследовало в соседнюю комнату. Самое странное было то, что Люцифер никак не отреагировал на появление странного гостя. Он встретил Лупцова как горячо любимого хозяина после долгой разлуки, громоподобно пролаял три раза, что, очевидно, означало: «Ну наконец-то ты вернулся». А Лупцов стоял на пороге комнаты, почесывал собаку за ухом и думал о том, что либо он давно сошел с ума, либо непонятно каким образом оказался бог знает в каком мире, где при относительном сходстве внешних форм параллельно существует неведомая ему фантомная жизнь, для которой он, скорее всего, является лишь сверхплотной бесформенной массой или неизвестным природным явлением.

– Я живое, разумное существо! – крикнул Лупцов вдогонку привидению, а Люцифер в ответ на это радостно взвизгнул, кинулся в угол комнаты и принялся скрести доски. При этом он не отрываясь смотрел на хозяина, и на его огромной слюнявой морде играла совсем не собачья, глумливая улыбка.

Лупцов и сам еще при осмотре дома в углу заметил этот дощатый прямоугольник, который оказался не чем иным, как крышкой погребка.

Погреб был обширным и глубоким, с неровными кирпичными стенами и крепкими, навечно поставленными стеллажами, на которых стройными рядами тускло поблескивали разнокалиберные пыльные банки с вареньем, консервированными овощами и соками. Ощупывая банки, Лупцов проглотил слюну и, глянув наверх, на собачью морду, весело проговорил:

– «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...» Живем, Люцифер.

Лупцов прикинул, на сколько хватит всего этого богатства, и по самым приблизительным подсчетам вышло, что, экономя, он вполне может протянуть полгода на одних только консервах. Но эйфория от находки прошла быстро. Лупцов вспомнил о том, с какой скоростью голубая зараза завоевывает жизненное пространство вокруг дома, и с отчаянием проговорил:

– Черт! А ведь я не успею все это съесть. – Пес снова просунул морду в квадратное отверстие и громко гавкнул. – Да, Люцифер. Это опять всего лишь отсрочка.

На глаза Лупцову попалась большая, не менее трех литров, бутылка с прозрачной жидкостью. И легкий синевато-жемчужный оттенок, и газетная дуля, которой была заткнута бутылка, навели Лупцова на мысль, что это обыкновенный самогон.

Находка пришлось как нельзя более кстати. Лупцову вдруг страшно захотелось выпить. Он выставил бутылку на пол, выбрался из погреба и прикрикнул на Люцифера, который принялся грызть газетную затычку. Люцифер радостно взвизгнул, отпрянул от бутылки и как разыгравшийся щенок начал нападать на Лупцова, то поднимаясь на задние лапы, то прижимаясь к полу всем телом. Он делал это неуклюже и тяжело, громко ударя мощными лапами по полу, и, как показалось Лупцову, именно из-за этого в комнате появилось белесое, едва видимое при дневном свете привидение. Оно медленно проплыло между Лупцовым и собакой, и Люцифер моментально успокоился. Это обстоятельство сильно озадачило Лупцова, и он подумал, что, наверное, существует какая-то связь между поведением собаки и появлением фантомов.

То, с каким спокойствием и даже покорностью относился Люцифер к появлению этих нематериальных сущностей, заставило Лупцова насторожиться. А последний случай навел его на мысль, что собака слушается их, а возможно, и подослана ими. Для чего – Лупцов не понимал и даже не стал строить никаких предположений. Его все больше начинало нервировать то, что он не один в доме, и эти странные существа, возможные виновники трагедии, беспардонно вмешиваются в его жизнь, незримо или почти так присутствуют в его новом жилище, а может,

и наблюдают за ним, как за лабораторным кроликом. Раздражало Лупцова и его полное бессилие, невозможность как-то воспротивиться этому или хотя бы узнать у гостей, что их привело сюда и чего они хотят.

День подходил к концу, когда с улицы донесся знакомый рокот автомобильного двигателя. Вскочив с дивана, Лупцов как сумасшедший сорвался с места и выскочил из дома. По дороге из Москвы в гору тяжело поднимался грузовик. Одолев подъем, он начал быстро набирать скорость, а Лупцов вышел на обочину и поднял руку. Ему хотелось расспросить шофера о том, что же все-таки происходит в Москве, много ли народу осталось в живых и что себе думает правительство – собирается ли оно как-то бороться с этой заразой? Но водитель, не сбавляя скорости, направил машину на голосующего, и тот едва успел отскочить к забору. Лупцову удалось лишь увидеть безумное лицо шофера – тот как-то страшно скалился и вертел головой во все стороны.

– Сволочь, – пробормотал Лупцов, когда машина проскочила мимо, обдав его маслянистыми брызгами. – Похоже, они там все посходили с ума. – В этот момент Лупцова охватило какое-то беспредельное отчаяние, и он со всей ясностью понял, что возврата к прежней, нормальной жизни не будет, что весь мир погиб или бьется в предсмертной агонии, а на смену человечеству на Землю пришла другая жизнь, другой разум, который именно сейчас бесстрастно наблюдает за гибелью целой цивилизации и, наверное, уже празднует победу.

– Гады! – закричал Лупцов, грозя невидимым захватчикам кулаком. – От меня вы так просто не избавитесь! Я буду жрать вашу поганую плесень, варить и жрать! Я не сойду с ума, и мы еще обязательно встретимся с вами! – Громко топая, Лупцов вошел в дом, откупорил бутылку и налил себе полную кружку самогона. – Встретимся! – заорал он на весь дом и пнул диван так, что половина жемчужной жидкости выплеснулось ему на грудь.

Люцифер сидел на крышке погреба и с любопытством взирал на хозяина. Почувствовав на себе его взгляд, Лупцов обернулся, пристально посмотрел на него, а затем крупными глотками выпил самогон до дна.

– Посмотрим, что ты за птица, – просипел он, вытирая рот рукавом.

Самогон оказался чудовищно крепким и таким же вонючим, словно при изготовлении вместо змеевика хозяин использовал местную канализационную систему.

Самодельное пойло еще не успело прижиться внутри, а Лупцов уже почувствовал, что стремительно хмелеет. За два прошедших дня он ел всего лишь один раз, много пережил, наверное, поэтому опьянение его походило на взрыв гранаты и землетрясение одновременно. Дом со всеми его вещами словно посходил с ума: стены стремительно проносились мимо, пол широким дощатым эскалатором уходил из-под дивана, стол, а вместе с ним и все, что на нем стояло, плясал, как живой, выгибая, словно кошка, свою мощную дубовую столешницу.

Лупцов потряс головой, сплюнул на пол и посмотрел на Люцифера. После этого он испуганно повалился на диван, откинулся на спину и чуть не разбил себе затылок о стену. В наступающих сумерках, в пьяном мареве, среди изломанных, потерявших свои очертания предметов на колченогом стуле сидел чернявый гражданин с кавказскими усиками, в темном, совершенно бесформенном костюме. Чернявый удивительным образом чем-то походил на дога. Поймать внешнее сходство было невозможно. Скорее Лупцову так казалось, и похожесть была чисто внутренней. Тем не менее он отметил, что вид у inferнального незнакомца достаточно грозный, хотя и спокойный. Он сидел, положив ногу на ногу, высокомерно улыбался и смотрел на хозяина отнюдь не по-собачьи.

– Люцифер, – машинально прошептал Лупцов.

– Именно Люцифер, – важно ответил чернявый.

– А пес... то есть дог, собака где? – растерянно спросил Лупцов.

– Собака? – удивился незнакомец. – Что вы имеете в виду?

– У меня был дог, здесь вот... жил со мной. Я его сам назвал Люцифером. Огромный черный дог. Я спас его от смерти.

– Да-а? – насмешливо проговорил гость. – А крысы под ногами не шастают? Может, клизму поставить? Хотя от рисовой каши...

– От рисовой, – автоматически повторил Лупцов и, спохватившись, сказал: – Да, да, сегодня мы ели рисовую кашу. А вы откуда знаете?

– Фу ты, как тебя развезло, – ответил чернявый. – Вместе ведь жрали. – И пока Лупцов сопоставлял прочитанное у Гете с действительностью, гость подумал и спросил:

– Значит, ты здесь с собакой живешь?

Вопрос прозвучал в тот момент, когда Лупцов уже все сопоставил и сделал соответствующие выводы.

– Невероятно, – тихо проговорил он. – Стало быть, вы и есть Люцифер?

– Люцифер, Люцифер, – подтвердил чернявый. – Можешь называть меня Лючиком. Я не обидчивый. И вообще, у меня есть жизненный принцип: с людьми – по-людски, с собаками – по-собачьи. На этом, собственно, и мир держится.

– Мир, – повторил Лупцов. – Мир погиб.

– Совершенно справедливо, – охотно согласился Люцифер. – Поэтому я и здесь.

– И что же, это вы по мою душу пришли? – с трудом выговаривая слова, поинтересовался Лупцов.

– Однако, как у тебя крыша поехала, – усмехнулся Люцифер. – Ну зачем, скажи на милость, мне твоя душа? С ней даже поспать не сходишь. Я здесь, если хочешь знать, с особой миссией. – Люцифер поменял ноги местами и поманил Лупцова пальцем, а когда тот, плохо держа равновесие, встал и подошел, заставил его нагнуться и только после этого прошептал на ухо: – Честно говоря, ты прав – я по твою душу. Только покупать я ее не собираюсь, и не надеюсь. А теперь пойд и сядь на свое место. Терпеть не могу, когда надо мной нависают. – Люцифер захохотал каким-то безумным смехом, показал Лупцову кулак и добавил: – Вот вы где у меня, голубчики. Все давно мои, бесплатно!

Мысли в голове у Лупцова кувыркались, как в калейдоскопе. Ему хотелось как-то ответить на издевательский тон чернявого гражданина, а тот, отсмеявшись, принял прежний высокомерный вид и сказал:

– Я вижу, ты совсем язык проглотил от страха. Не бойся, смертный. Пока я с тобой, тебе здесь ничто не угрожает. Лучше поспи, чудак. Твой час еще не настал. – Глаза у Люцифера вдруг сделались огромными, как чайные блюдца. Они горели недобрым фиолетовым светом, и в каждом чернильном зрачке электрическим разрядом билась маленькая белая буква «Г». Лупцов заинтересовался было, почему именно эта буква, а не «Л» или какая-нибудь другая, но его так сильно тошнило, что он не смог вымолвить ни слова. Схватившись за голову, он попятился назад и, наткнувшись на диван, опрокинулся на спину.

– Ш-шестьсот ш-шестьдесят ш-шесть... – проваливаясь в темноту, проговорил он.

– Семьсот сорок один, – поправил его чернявый.

Проснулся Лупцов утром – бодрый и здоровый, как младенец. Вставать ему не хотелось, и, если бы не сильнейшее чувство голода, он бы перевернулся на другой бок и уснул или просто понежился еще часок-другой до полного пробуждения.

Лупцов повернул голову и увидел черного дога, лежащего сфинксом у противоположной стены. Пес не отрываясь вопросительно смотрел на хозяина, и лишь обрубок хвоста, словно метроном, ходил туда-сюда.

– Люцифер? – то ли позвал, то ли констатировал присутствие собаки Лупцов, и пес ответил ему громким лаем. Лупцов попытался вспомнить, чем закончился вчерашний вечер, но это ему не удалось. Какая-то картинка, знакомая и пугающая, будто летучая мышь мгновенно промелькнула у него в сознании, оставив в душе ощущение чего-то страшного и сверхъесте-

ственного. Он не успел ухватить ни сути, ни содержания промелькнувшего «кадра», зато вдруг вспомнил, как накануне обнаружил погреб, а в нем большую бутылку.

Лупцов взглянул на стол, на котором оставил самогон, но бутылку куда-то исчезла, и он впал в тихую ярость.

– Я, кажется, начинаю сходить с ума, – обращаясь к Люциферу, тихо проговорил он. – Может быть, ночью на велосипеде я добрался до Саламанки и распилил самогонку с ведьмами на шабаше?

Вскочив с дивана, Лупцов осмотрел угол комнаты, где не далее как вчера обнаружил погреб с консервами. Никакого погреба там не оказалось, и Лупцов, не веря своим глазам, постучал по полу ногой, затем тщательно осмотрел все углы и даже согнал Люцифера с места.

– Здесь вчера был погреб, – предельно четко выговаривая слова, тихо сказал он. – Люцифер, вчера здесь был погреб. – Как бы в подтверждение этого пес гавкнул и принялся деловито ходить по комнате, будто помогая человеку искать злосчастный подпол с продуктами. – Боже мой! – с отчаянием в голосе воскликнул Лупцов, да так громко, что Люцифер шарахнулся от него, а затем выскочил во двор. – Если бы знать, что происходит! Катастрофа – да, я вижу ее, вижу всех этих недоумков, чудовище в яме, плесень. Все это можно пощупать и даже попробовать на вкус. Оно никуда не исчезает, и я худо-бедно могу все же объяснить, что это такое. Только вот не надо таких снов. Пусть будут пятиглавые летающие ящеры, саблезубые тигры, ламии и оборотни – все, что угодно. Но не надо таких снов. – Лупцов бестолково бродил по комнате, дергал себя за волосы и причитал. – Я не желаю сходить с ума. Если я вижу предмет, трогаю его, он должен находиться там, где я его оставил. Я хочу встретить смерть в здравом уме, хочу почувствовать, как умираю. Хотя бы на это я имею право?

Лупцов надел сапоги, схватил ружье и посреди комнаты едва не столкнулся с двумя бесплотными призраками, которые не торопясь пересекали комнату от двери к окну. Замерев на мгновение, Лупцов вдруг сорвался с места и выскочил на крыльцо.

Тяжелый нефритовый купол все так же возвышался над серебристо-голубой землей. За ночь плесень разрослась настолько, что деревья стали походить на гигантские грибы. Забор превратился в высокий мохнатый вал, а провода провисли под тяжестью плесени почти до самой земли и скорее напоминали праздничные гирлянды.

На крыльце Лупцов остановился как вкопанный. Он перекинул двустволку из левой руки в правую, облизнул пересохшие губы и едва выговорил:

– Ты?

– Я, – развязно ответил чернявый. Он сидел на колченогом стуле посреди двора, утопая почти по самые колени в бирюзовой плесени. Костюм его был того же цвета, что и серебристо-голубая зараза, мятый кургузый пиджачишко совершенно не имел пуговиц и был надет на голое тело.

– Люцифер? – переспросил Лупцов.

– Да, это я, – услышав свое имя, надменно подтвердил усатый тип. – Да убери ты свою пушку.

– А-а! – вспомнил Лупцов и ткнул указательным пальцем в чернявого. – Так это ты был вчера. Ясно. Значит, это ты морочишь мне голову?

– Брось молоть ерунду, – спокойно ответил чернявый. – Давай лучше пока поболтаем до завтрака. Передохнем, так сказать. Кстати, ты не знаешь, кто эти люди в белом?

– Какие люди? – спросил Лупцов. – Привидения?

– Это привидения? – удивился Люцифер. – Они так неожиданно появляются. А у меня провалы в памяти, возраст, сам понимаешь. Все время забываю у них спросить, зачем они приходят. А после их исчезновения я всегда плохо себя чувствую – тело ломит и голова болит.

Лупцов терялся в догадках, куда делся его черный дог и откуда появляется этот неприятный тип, называющий себя Люцифером. События принимали слишком необычный оборот.

Казалось, привычный порядок вещей не просто нарушился, он лопнул, и образовавшуюся пустоту начали заполнять какие-то безумные мыслеформы, созданные коллективным воображением агонизирующего человечества.

Лупцов еще некоторое время по инерции отвечал на вопросы чернявого, а затем, когда его изумление переросло в какой-то безотчетный ужас, когда он представил, как выглядит вся эта картина со стороны, он машинально нажал на рычажок. Разломив ружье надвое, Лупцов убедился, что патроны на месте, и медленно взвел курки.

– Что ты все со своей пушкой возишься? – раздраженно спросил Люцифер. – Если уж тебе так хочется в кого-нибудь пальнуть, пойди и пристрели хотя бы одного призрака. Что они шляются по нашему дому?

Как и в первый раз, глаза у чернявого сделались величиной с блюдца. Глядя в них, словно загипнотизированный, Лупцов сделал несколько шагов назад, ввалился в дом и тут же увидел две молочно-белые фигуры. Они стояли посреди комнаты, и зеленоватый солнечный луч проходил сквозь них, почти не задерживаясь, как если бы это были клубы табачного дыма.

Лупцов перешагнул через порог, быстро вскинул двустволку и нажал на оба курка. Два щелчка прозвучали почти одновременно, но выстрелов не последовало, зато в раскрытое кем-то окно влетела отвратительная черная птица и кинулась на Лупцова. Она остервенело лупила его огромными сильными крыльями по голове и пронзительно кричала каким-то истерическим бабьим голосом.

Не успев даже как следует испугаться, Лупцов отшвырнул в сторону бесполезное ружье, закрыл голову руками и вдруг ощутил страшный удар железным клювом в правое предплечье. Теряя от боли сознание, он еще слышал какие-то вопли, далекие голоса и топот ног. Затем, постепенно шум начал стихать, и он почувствовал, как его куда-то несут, укладывают и кто-то шепчет над ним, как заклинание: «Ви-та-ми-на-зин».

Прежде чем окончательно потерять сознание, Лупцов с трудом разлепил глаза и увидел прямо перед собой круглую красную физиономию, покрытую редкой вьющейся порослью. Лицо плавало над ним, словно воздушный шар, разевало рот, и оттуда, будто мыльные пузыри, выкатывались непонятные буквосочетания: «Зи-на-зин-динь-динь».

– Торквемады на вас нет, – еле ворочая языком, прошептал Лупцов и провалился в бездну.

9

Очнулся Лупцов ближе к вечеру совершенно разбитым. Перед самым пробуждением ему привиделось, будто лежит он на больничной койке в маленькой, похожей на склеп, камере, и сверху на него медленно опускается нечто бестелесное и бесформенное – облачко, в котором Лупцов угадал собственную душу. Едва он понял, что перед ним, как душа приобрела черты хлипкого, болезненного мужичка, напоминающего его самого, но словно бы раздавленного непомерной усталостью. Встретившись взглядом с Лупцовым, мужичок заметался, как перед загроможденным входом, и Лупцов сурово спросил:

– Ты где шляешься?

– Там, – неопределенно махнул рукой мужичок и, смущаясь, добавил: – Мир погиб. Человечества больше нет. Жизнь осталась только здесь. Нам лучше не выходить отсюда.

– Здесь? – спросил Лупцов и обвел взглядом камеру. – Это невозможно!

– У нас нет выбора, – тихо проговорила душа и, воспользовавшись негодованием Лупцова, серой крысой прошмыгнула в него. Сразу вслед за этим Лупцов почувствовал неподъемную тяжесть собственного тела, ломоту в суставах, тянущую головную боль и странную вибрацию, отвратительное дребезжание, которое в считанные секунды вычерпало из него остатки душевных сил.

Лупцов открыл глаза и понял, что лежит на кровати лицом вверх и смотрит в грязно-белый потолок. В комнате было светло, и свет, проникающий через маленькое окошко, был совершенно естественным, каким он и был до катастрофы.

Лупцов с большим трудом заставил себя перевернуться на бок и напротив увидел чернявого гражданина с усами. Тот спал на такой же анемичной койке с тумбочкой у изголовья, на которой стояла пораженная некрозом эмалированная кружка. Глаза у соседа по палате были прикрыты неплотно, отчего видны были края радужных оболочек, а изо рта на подушку вытекала мутная слюна.

Лупцов перевел взгляд на окно. За пыльным стеклом сквозь толстую частую решетку было видно голубое небо в редких перистых облаках.

– Что это? – вслух спросил Лупцов и не узнал собственного голоса. Чернявый тут же открыл глаза и страдальчески посмотрел на своего визави. – Что это? Сумасшедший дом? – испуганно повторил Лупцов, начиная осознать, что камера и он сам существуют не отдельно друг от друга, а вполне определенно – один внутри другой.

– Весь мир сумасшедший дом, – уклончиво ответил чернявый.

– А я-то где? Это что за комната? – Лупцов откинул одеяло и попытался встать.

– Ты лежишь напротив меня на койке. Эта палата – твой дом, – монотонно пробубнил сосед.

«Люцифер», – вдруг вспомнил Лупцов, а чернявый неожиданно занервничал, громко втянул воздух и сипло выкрикнул:

– Нет! Никакой я не Люцифер! Что ты привязался ко мне? Мне из-за тебя тоже досталось.

– А как я попал сюда? – не обращая внимания на крик, спросил Лупцов. – Когда меня привезли?

– Не знаю, – спокойнее проворчал сосед. – Ты уже был здесь, когда я приехал. Что, в себя пришел? С возвращением на родину. – Чернявый захихикал, и Лупцов увидел, что во рту у него почти не осталось зубов, а те, что были, напоминали, скорее, обгоревшие осколки. – Ты здесь все какую-то собаку ловил, потом самогонку искал... Я, дурак, тебе поверил. Из-за самогонки мы и погорели... Или из-за собаки. А собака-то какая была?

– Это ты собака, – ответил Лупцов и поднялся с кровати, а чернявый вдруг заорал:

– Не подходи! Сам собака! «Колеса» мои жрал, а я тебя отмазал от санитаров. Хоть бы спасибо сказал, ненормальный! – Чернявый подтянул колени к подбородку, зарылся в одеяло по самые глаза и что-то еле слышно забормотал. В этот момент звякнул засов, затем дверь распахнулась, и в палату по-хозяйски вошел дюжий краснощекий санитар с редкой рыжей бородой. Он посмотрел на Лупцова, раскинул руки и расплылся в фальшивой добродушной улыбке.

– Боже мой, кого я вижу! – воскликнул он. – Глупцов собственной персоной. Что, очухался, борец с нечистой силой?

– Не Глупцов, а Лупцов, – испытывая какую-то глухую ненависть к краснорожему, проговорил Лупцов, чем вызвал новый взрыв веселья у санитаря.

– Да, может, тогда Умнов? Ну ладно, ладно. Пойдем, коли проснулся. Тебя врач ждет не дождется.

– Какой врач? – тихо спросил Лупцов.

– Обычный, в белом халате, – ответил санитар. Он подошел к Лупцову, бесцеремонно взял его под руку и потянул за собой. – Пойдем, пойдем. Пришел в себя-то? С тебя бутылка, Глупцов. Я тебе полночи помогал чертей ловить. А вообще советую вести себя хорошо. Парень ты вроде неплохой. – Санитар хлопнул его по спине так, что Лупцов подавился воздухом и вылетел из палаты. – А плохим у нас обычно сульфазол назначают.

Оглушительно лязгнув засовом, санитар железной хваткой вцепился Лупцову в предплечье и повел по длинному коридору. Он открыл очередную дверь вынудив из кармана ручкой и пропустил Лупцова вперед.

– Что такое пирогенная терапия, знаешь?

– Нет, – ответил Лупцов, и внутри у него похолодело. Слово сразу напугало его каким-то знакомым чудовищным смыслом, и он шепотом вслух перевел: – Огнерожденная.

Санитар услышал и громко рассмеялся:

– Молодец, Глупцов. Грамотный. Бесов всегда выгоняли из человека огнем. Люблю поговорить с образованными. Да, там твоя жена пришла. – Санитар сделал паузу, воровато огляделся и тихо проговорил: – Если надо чего, обращай ко мне.

– Что – надо? – не понял Лупцов.

– Купить. Купить если чего надо, говори мне, – объяснил санитар. – Жена деньги передаст, я все сделаю. Уяснил, дурья твоя башка?

– Уяснил, – растерянно ответил Лупцов.

Краснорожий распахнул перед больным последнюю дверь с табличкой и легонько втолкнул Лупцова в кабинет. Там, за столом, с телефоном и аккуратными стопками бумаг, сидел немолодой человек в белом халате, с добрым лицом, лысый и чрезвычайно улыбчивый.

– А, Глупцов! – радостно воскликнул доктор. Он резво поднялся и вышел больному навстречу. – Как самочувствие?

– Нормально, – глядя в пол, равнодушно ответил Лупцов и добавил: – Я не Глупцов, а Лупцов. Прошу не путать.

– Ну садись, садись, рассказывай, – все так же улыбаясь, сказал врач. Он сам усадил Лупцова на стул, вернулся на свое место и изобразил на лице предельную заинтересованность. – Рассказывай, что с тобой произошло? Как ты оказался на вокзале?

– Я не был на вокзале, – ответил Лупцов.

– Никогда? – навалившись грудью на стол, искренне удивился доктор. Лупцов на секунду задумался и, четко выговаривая слова, произнес:

– Тогда поясните, какое именно мое посещение вокзала вас интересует? Полгода назад на Курском вокзале я встречал тетку из Мариуполя. Два месяца назад заходил на Киевский выпить стакан кофе...

– Нет-нет, – ласково перебил его врач. – Я имею в виду самое последнее. Третьего дня мы нашли тебя на Курском вокзале. Ты бегал по залу ожидания и кричал очень страшные вещи...

– Я этого не помню... Скорее всего, ничего этого не было, – раздраженно ответил Лупцов.

– Ну как же не было? – спросил врач. – А сюда ты как попал? Ты не торопись, Глупцов, попытайся вспомнить.

– Да не Глупцов я! – заорал Лупцов. – Лупцов-Лупцов-Лупцов!..

– Успокойся, – мягко потребовал врач и взглянул на санитару. По-женски поджав губы, он достал из ящика стола паспорт, раскрыл его и показал Лупцову фотографию. – Вот, пожалуйста: Глупцов Игорь Петрович, живешь во Втором Скотопрогонном переулке, дом тринадцать, квартира пятьдесят один. – Доктор сунул руку в ящик, извлек коричневые корочки с облезлой надписью «Пропуск» и прочитал: – Инженер-технолог завода «Клейтук». Вот, все правильно. Что это вы, Игорь Петрович, захандрили? Умный образованный человек. Кстати, и жена ваша здесь.

– А что это вы меня то на «ты», то на «вы» называете? – язвительно поинтересовался Лупцов.

– Хотите, на «они» буду обращаться. – Доктор кивнул санитару, и тот вышел из кабинета.

– Здесь какая-то ошибка, – все больше зверея, проговорил Лупцов. – Я, слава богу, не женат, никогда не работал на заводе «Клейтук» и даже не знаю, где он находится, я не живу в Скотопрогонном переулке, и вообще моя фамилия Лупцов. Доктор, умоляю вас, разберитесь. Не может один человек одновременно носить такую фамилию, работать на «Клейтуке» и жить в Скотопрогонном переулке! Не может!

В это время дверь раскрылась, и в кабинет вошла тетка с испуганным, помятым лицом. Лупцов мельком взглянул на вошедшую, и ее внешность показалась ему знакомой. Она стояла с носовым платком в одной руке и сумочкой – в другой и выжидающе смотрела на Лупцова. И тут Лупцов вспомнил, где он видел эту несчастную бабу. Это была та самая, с измученным, ярко раскрашенным лицом женщина из песочницы – жена то ли продавца, то ли официанта с двустволкой.

– Вот, Игорь Петрович, жена просит отпустить вас домой, – участливо вздохнув, сказал доктор. – Но как же вас отпускать, когда вы...

– Что вы мне чужую жену шьете? – с ненавистью воскликнул Лупцов и отвернулся от двери. – Еще раз повторяю: я не женат, моя фамилия Лупцов.

– Игорек, Игорек, – жалобно запричитала женщина. – Это же я, Люся. Ты не узнал меня, да?

– Узнал, – мрачно ответил Лупцов. – Вы – женщина из песочницы. Не понимаю, зачем вам нужно выдавать себя за мою жену? Я не миллионер, не генеральный секретарь.

– А кстати, кто вы? Кто по профессии? – воспользовался случаем доктор. Вопрос застал Лупцова врасплох. Он пару раз по-рыбьи разинул рот, гневно стрельнул глазами в сторону самозванки и ответил:

– Писатель-фантаст.

– Да-а? – изумился врач и на всякий случай посмотрел на женщину.

– Для себя пописывает, – уныло подтвердила она и вновь с надрывом затянула: – Игорек, это я, Люся. Посмотри на меня... – Она робко прошла на два шага вперед, наклонилась и попыталась заглянуть ему в глаза.

– Для себя! – злобно возмутился Лупцов. – Да что вы эту дуру спрашиваете? Что она может знать. Уведите меня в камеру, я больше так не могу.

– Ну, Игорь Петрович, – обиделся доктор. – У нас не камеры, а палаты.

– Хорошо, уведите меня в палату, – согласился Лупцов. – Я больше не хочу участвовать в этом спектакле.

Доктор подал рукой знак санитару, и тот быстро вывел из кабинета женщину. Когда дверь за ними закрылась, врач разочарованно проговорил:

– Нехорошо, Игорь Петрович. Обидели жену. Она, бедняжка, каждый день приходит и сидит здесь по полдня, ждет, когда вам станет лучше. Все встретиться хотела, помочь вам вспомнить...

– Мне не о чем говорить с этой незнакомой женщиной, – твердо ответил Лупцов. – Если вам угодно, можем с вами побеседовать. Меня, кстати, интересует, как я сюда попал. Я что, был сильно пьяный?

– А вы что, часто пьете? – участливо спросил врач.

– Как все, по праздникам, – ответил Лупцов.

– Так не было же никаких праздников, Игорь Петрович. Или вы по всем пьете? – поинтересовался доктор.

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, – обиделся Лупцов. – Так как я все-таки попал сюда?

– Я же говорил, мы вас нашли на вокзале. К спящим приставали, у туристов чуть рюкзак не увели. А до этого, по словам вашей жены...

– Нет у меня никакой жены, – перебил его Лупцов.

– Хорошо, по словам женщины из песочницы, вы ушли из ее дома поздно вечером...

– А как я попал в ее дом? – удивился Лупцов.

– В ее дом? – переспросил врач. – Ну, я не знаю. Может, в гости зашли.

– Не мог я к ней в гости зайти! – закричал Лупцов. – Не мог, понимаете? Я ее не знаю, и муж у нее ненормальный, с ружьем не расстается!

Доктор вскочил со своего места, а вбежавший на крик Лупцова санитар кинулся к нему и припечатал его к стулу своими мощными волосатыми лапами.

– Сидеть, – приказал врач. – Игорь Петрович, я же не настаиваю. Холостой так холостой. Кстати, у вас, так сказать, частичная амнезия. Похоже, из-за неудовлетворенности своим положением. Писателем хотели стать?

– Какая еще амнезия, – ответил Лупцов. – Вот если бы вам привели чужую бабу и потребовали признать ее своей женой, что бы вы делали?

– Я здоров, – ответил доктор, и взгляд его затуманился, а лицо сделалось печальным. – А вы больны.

– Отпустите меня, – потребовал Лупцов, и доктор кивнул санитару. Тот убрал руки, но, словно хорошо вышколенный дворецкий, остался стоять за спиной у Лупцова. – Я хотел сказать: отпустите меня отсюда. Я хочу домой. Я совершенно здоров. Я не хочу лежать в больнице, да еще в компании с сумасшедшим.

– Нет, Игорь Петрович, – понимающе сказал врач. – Мы не можем вас отпустить. Да и куда вы пойдете? На вокзал? Свой дом вы признавать не желаете.

– Нет, – ответил Лупцов. – Я сейчас живу в собственном доме. Вернее, он не мой, но это не важно. Хозяева бросили его.

– И где же этот дом? – поинтересовался доктор. Лупцов удивленно посмотрел на него, попытался вспомнить, как называется тот населенный пункт, где он поселился с Люцифером, но так и не вспомнил.

– Я позабыл название деревни, – раздраженно ответил он. – По Мичуринскому проспекту часов шесть или больше на велосипеде.

Врач посмотрел на санитару, и тот, посмеиваясь, проговорил:

– Мичуринский проспект весь можно проехать за десять минут. Если только шесть часов туда-сюда кататься.

– Я имел в виду, по этому шоссе от Москвы, – едва сдерживая гнев, сказал Лупцов.

– Ну ладно. Все понятно, – не глядя на больного, подытожил врач. – Идите, Игорь Петрович, в свою палату, отдыхайте. Завтра увидимся.

– Что вам понятно? – закричал Лупцов и почувствовал на своих плечах тяжелые руки санитаров. – Это вы, вы здесь все сумасшедшие! У меня высшее образование!

– Ну и что? У меня тоже высшее, – пожал плечами доктор.

– Ну и засунь его себе в жопу! – иступленно заорал Лупцов.

Врач сделал знак санитару, тот обхватил его поперек туловища железной хваткой борца и тут же получил локтем по носу. Одну руку Лупцов успел все-таки выдернуть.

На прощанье врач проинструктировал санитаров, сказав им какую-то непонятную фразу на профессиональном жаргоне:

– Два по два и полтора на сон грядущий. – После чего скрученного в кокон Лупцова поволокли в палату.

В палате Лупцова небрежно швырнули на кровать, врезали по почке так, что удар по очереди отозвался во всех органах, и придавили коленом.

– Я же тебя предупреждал, засранец, – без тени злобы сказал краснорожий. – Теперь держись.

Лупцов не видел, что происходит у него за спиной, слышал лишь кряхтенье санитаров, звон посуды и короткие фразы, которыми обменивался меж собой медицинский персонал. Кряхтел и сам Лупцов. Он пытался хоть немного освободиться из-под тяжелого гнета, боролся молча, чтобы не тратить силы понапрасну, но очень скоро выдохся и тогда сдавленным шепотом проговорил:

– «Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю...»

– Ну вот, заголосил, – чему-то обрадовался краснорожий. А Лупцов, не обращая внимания, продолжал сипеть:

– «...и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертания зверя и поклоняющихся образу его».

Где-то через минуту Лупцов почувствовал, как с него рывком сорвали больничные штаны, а еще через пару секунд в ягодицу вошла толстая игла. И сразу свет померк у него в глазах, воздух застрял в бронхах на выдохе, и жидкий непереносимый огонь от места укола разлился по всему телу. В последнем яростном рывке Лупцов попытался защититься, оттолкнуть мучителей, но обе руки его оказались прикованными тяжелыми железными цепями к столбу. Лупцов лишь пошевелил пальцами, прижался к дереву затылком и посмотрел на чернильное беззвездное небо. Внизу, у штабелей вязанок с хворостом, все еще возился огромный рыжий монах в черной рясе. Он плеснул несколько ковшей расплавленного жира под ноги Лупцову, затем обошел с зажженным факелом все четыре угла и подпалил те места, где еще не было огня. Ветер помогал ему, раздувая занявшееся сухое дерево.

По краям пламя уже поднялось до уровня коленей, и пляшущие оранжевые языки ветром прибавало к ногам Лупцова, вызывая во всем теле какой-то леденящий трепет.

– «Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце! – хрипло закричал Лупцов. – И дано было ему жечь людей огнем!» – Безумным взглядом он посмотрел прямо перед собой и в нескольких метрах от костра увидел Люцифера. Освещенный неровным скачущим светом, тот сидел на колченогом стуле, положив ногу на ногу, и меланхолично наблюдал за аутодафе. Слева и справа от Люцифера, опустив лица долу, кружком расположилось с десятков монахов, и отблески пламени плясали на бледных плешках братьев во Христе. За спиной у Люцифера стояли епископ с судьей, оба в мантиях, соответствующих сану каждого, с раскрытыми книгами в руках и торжественностью на лицах. Затем до Лупцова донесся голос епископа. Он говорил негромко, но заученно внятно:

– Дабы ты спас свою душу и миновал смерти ада для тела и для души, мы попытались обратить тебя на путь спасения и употребили для этого различные способы. Однако обуянный низкими мыслями и как бы ведомый и соращенный злым духом, ты предпочел скорей быть пытаемым ужасными вечными мучениями в аду и быть телесно сожженным здесь, на земле,

преходящим огнем, чем, следуя разумному совету, отстать от достойных проклятия и приносящих заразу лжеучений и стремиться в лоно и к милосердию святой матери-церкви. Так как Церковь Господня ничего более не знает, что она еще может для тебя сделать ввиду того, что она уже сделала все, что могла, мы, указанный епископ и судья...

– Люцифер! – не дожидаясь приговора, закричал Лупцов. Пламя, закручиваясь по спирали, уже облизывала ему бока, запах горелого мяса поднимался от ступней, которые Лупцов уже давно не чувствовал. Там, внизу, была лишь неопишуемая боль, которая, заполняя мозг, мешала сосредоточиться на какой-то одной мысли... – Люцифер! – еще раз крикнул Лупцов, и тот откликнулся:

– Чего ты хочешь, смертный? Или тебе недостаточно тепло там? Кажется, епископ уже все сказал. – Чернявый посмотрел назад, и священнослужитель кивнул ему.

– Люцифер, если ты действительно есть!.. – задыхаясь от дыма и огня, выкрикнул Лупцов.

– Есть, есть, что надо, говори, – развязно ответил чернявый.

– Я хочу заключить с тобой договор, – чувствуя, как на голове загораются волосы, проорал Лупцов. – На любых условиях! Если тебе нужна моя душа, бери ее. Я много не попрошу!

– А я много и не дам, – хохотнул чернявый. – Так чего же ты хочешь, смертный?

– Хочу обратно в тот дом в деревне, где мы с тобой жили... Где я тебя спас, – из последних сил выкрикнул Лупцов.

– Любите вы, люди, напоминать об оказанных услугах. Бескорыстно палец о палец не ударите, – проворчал чернявый. – Ладно. Будь по-твоему. – Он лениво махнул рукой, и огонь погас, будто его и не было. – И это все, что ты хочешь? – спросил Люцифер.

– Ф-фу, – перевел дух Лупцов. – Нет. Я хочу, чтобы вся эта зараза, окутавшая Землю, исчезла. И эти нелюди тоже.

– А вот этого я не могу, – ответил чернявый.

– Ты?! Не можешь?! – с идиотским, надрывным смехом спросил Лупцов.

– Да, не могу. Это не моя область. Ты еще попроси Солнце поближе к Земле подвинуть или на Марс тебя забросить погулять. Кстати, тело твоё останется здесь.

– Как это? – не понял Лупцов.

– Так. Все, дружок, отныне оно для тебя потеряно навсегда. Его здесь замуруют до самой твоей смерти. Но тебе нечего беспокоиться. Тебя-то я освобожу.

– Не морочь мне голову, Люцифер... – мотая головой, проговорил Лупцов.

– Я и не морочу. Тебя же не смущает, что после смерти твое созревшее для посадки тело, как зерно, положат в землю. Ну так и пусть оно дозревает здесь.

Лупцов обратил внимание, что монахи с епископом куда-то пропали. Он пошевелил руками и обнаружил, что они свободны. Бесследно исчезли и цепи со столбом, как и хворост, и черное беззвездное небо.

– Да, Люцифер, – неожиданно вспомнил Лупцов. – Я хочу, чтобы та женщина... ну, которая набивалась ко мне в жены, проснулась. В общем, нашла своего мужа.

– А тебе-то что до нее? – спросил чернявый.

– Да так, заодно. Тебе же не трудно, – ответил Лупцов.

– Ладно, попробую, – высокомерно пообещал Люцифер и поднялся со стула.

В палате, словно в тюремной камере, над дверью горела засиженная мухами, тусклая лампочка. Чернявый взял со своей тумбочки газету, свернул ее трубкой и опустился у кровати на четвереньки.

– Я полез в землянку, буду наблюдать в подзорную трубу за монахами, – пояснил он. – А ты поезжай в магазин, купи патронов. Знаешь, где? Угол Бродвея и проспекта Маркса, фирменный магазин «Патроны». Возьмешь десять пачек 136-го калибра.

Лупцов слушал его с возрастающим ужасом и не мог понять, шутит чернявый или говорит серьезно. Затем тихо, с каким-то злобным присвистом, Лупцов спросил:

– А на чем же я поеду?

Устраиваясь под кроватью, Люцифер кивнул в сторону стула и спокойно ответил:

– Возьми мою машину.

– Ясно, – едва не плача от разочарования и обиды, проговорил Лупцов. Ему вдруг открылся истинный смысл того, что происходит, и он вспомнил всю свою жизнь, которую прожил до катастрофы. Вся она пронеслась в его сознании за какое-то мгновение, и Лупцов одними губами проговорил: – Я Глупцов. Работаю на заводе «Клейтук», живу в Скотопрогонном переулке. Господи, за что мне все это? Мне одному. Не хочу! – После этого он тяжело поднялся с постели и, не спуская с чернявого глаз, подошел к двери.

– Куда, идиот?! – заорал чернявый. – Ложись, та сторона простреливается.

– Да, да, – ответил Лупцов и вдруг изо всех сил принялся молотить ногами и руками в дверь. – Откройте! – кричал он. – Сейчас же откройте! – При этом он смотрел под кровать на Люцифера, а тот скалил гнилые осколки зубов и, прищурив один глаз, рассматривал в подозрную трубу ноги соседа по палате.

Дверь наконец открылась, и Лупцов чуть не вывалился наружу. Его подхватил санитар, впихнул обратно и матернувшись рявкнул:

– Чего тебе?

– Я не хочу лежать с ним в одной палате. Он сумасшедший, – выпалил Лупцов.

– Ты на себя посмотри, – рассмеялся санитар. – Ладно, будешь шуметь, получишь сульфы. Очнулся, засранец. – Дверь захлопнулась, и чернявый, оторвавшись от подозрной трубы, насмешливо спросил:

– Ну что, дурак, решился?

– На что? – чувствуя себя совершенно разбитым и опустошенным, проговорил Лупцов.

– Да, собственно, на все, – просто ответил Люцифер. – Соглашайся, иначе останешься на всю жизнь Глупцовым... и в этом сумасшедшем доме. А я тебя выведу.

– Куда? – спросил Лупцов.

– Туда. В тот мир, куда ты сбежал со Скотопрогонного переулка.

– В этот бред? В сумасшествие?

– Да, – ответил чернявый и легкомысленно заявил: – Зато там красиво, не воняет дерьмом, как на твоём заводе.

– Может, там и красиво, но тот мир погибает, – сказал Лупцов.

– Ошибаешься. Он только-только рождается. Ну что, согласен?

Лупцов закрыл ладонями лицо, тяжело вздохнул и прошептал:

– Да.

– Хорошо, – сразу оживился Люцифер. – Патроны по дороге купим. – Он резво вынырнул из-под кровати и сел на стул.

10

Тяжелое нефритовое небо, темное на востоке и сильно разбеленное на западе, было совершенно пустым и безоблачным. В прозрачном, цвета прудовой воды, воздухе не было видно ни птицы, ни насекомого. Густые заросли плесени давно съели все неровности созданного человеком ландшафта, и местность напоминала холмистую степь с сочной луговой растительностью.

Автомобиль Люцифера по самые окна утопал в серебристо-голубом ворсе гигантского фантастического ковра. Это был роскошный автомобиль, с удобными кожаными сиденьями, открытым верхом и сдвоенным крупнокалиберным пулеметом, стволы которого торчали над бампером.

– Иди садись за руль, – распорядился Люцифер, и Лупцов, не заставляя себя ждать, перепрыгнул через дверцу и упал прямо в объятия мягкого, как подушка, сиденья. – Ну что, прорвемся? – весело спросил чернявый, не спеша пробираясь назад к пулемету.

– Не бойся, Люцик, прорвемся, – сжав зубы, ответил Лупцов. Он бросил прощальный взгляд на мрачную железобетонную коробку монастыря и тихо добавил: – Ну, с Богом!

Лупцов включил зажигание, завел мотор, и, взревев, автомобиль рванулся вперед к заросшим плесенью, железным воротам. Не сбавляя скорости, Лупцов обернулся. На заднем сиденье важно восседал огромный черный дог. Он преданно смотрел хозяину в глаза и на кивок Лупцова ответил громогласным лаем.

– Держись, Люци-ик! – истошно заорал Лупцов и на большой скорости врезался в ворота. Металлическая громадина плавно, словно в рапиде, перелетела через машину и мягко погрузилась в плесень. Сзади послышались крики, затем автоматная очередь прошла бок автомобиля, но Лупцов резко повернул руль и лихо выскочил на дорогу.

Ехать на такой скорости было невообразимо приятно, ветер со свистом огибал ветровое стекло и завихрялся где-то у затылка водителя. Необыкновенное по остроте ощущение свободы распирало Лупцова изнутри. Одновременно ему хотелось и смеяться, и плакать, руки у него тряслись от возбуждения, но какая-то заноза все же сидела в сердце, мешая до конца насладиться полетом.

Через какие-нибудь пятнадцать минут Лупцов влетел в знакомый населенный пункт. Он торопился и потому, не сбавляя скорости, проскочил всю эту небольшую деревушку, и только когда увидел дом из свежошкуренных бревен, резко затормозил. На скользкой от плесени дороге автомобиль повело юзом, несколько раз развернуло и бросило на обочину. Машина врезалась багажником в забор, повалила его и только после этого встала.

– Ну что, Люцик, приехали? – весело спросил Лупцов. Чернявый, вольготно развалившийся на заднем сиденье, сплюнул за борт и кивнул вверх.

– Посмотри, – сквозь зубы проговорил он.

Лупцов взглянул на небо и обомлел от страха: прямо на них с большой высоты пикировали две черные безобразные птицы.

– Ты же обещал! – дрожащим голосом крикнул Лупцов. Чернявый пожал плечами и распахнул дверцу.

– Беги, может, еще успеешь, – ответил он.

– Куда? – выпрыгивая из машины, спросил Лупцов.

– Сам знаешь. Пора.

– Знаю! – с ненавистью пробормотал Лупцов, убегая подальше от автомобиля. Он сдирал с себя на бегу одежду, нагибался, хватал руками плесень и запихивал в рот. Лупцов уже не оборачивался, знал, а скорее чувствовал, что Люцифер остался в машине или около нее. Он

уже слышал шум погони – пронзительный свист крыльев, – а потому прибавил скорость и начал петлять, как заяц.

Миновав огороды, Лупцов поскользнулся, упал и кубарем прокатился по мягкой, влажной плесени до самого спуска в овраг. Там он быстро поднялся, мгновенно нашел глазами то место, где уже однажды ему приходилось стоять, и бросился вперед по склону.

– Эй ты! – задыхаясь, кричал он на бегу. – Я хочу помочь! Слышишь, ты просила меня помочь! Я готов! Я поцелуюсь с тобой, я поцелую твою задницу...

Уже у самого края ямы Лупцов посмотрел вверх. Одна из черных птиц пикировала ему прямо на голову. И тут в метре от себя он услышал знакомый спасительный голос:

– Я здесь, Игорек. Я здесь.

Закрыв голову руками, Лупцов прыгнул.

Полигон

Мертвецы всего мира химически идентичны.
К.Г. Юнг

1

По образованию сорокалетний Алексей Зайцев был психологом и на волне интереса к этой еще недавно редкой профессии не ощутил никакого дискомфорта при переходе из одной политической формации в другую. Напротив, его благосостояние резко улучшилось, он почувствовал доселе неведомый ему вкус бытовой свободы, которую могут дать только деньги, избавился от продовольственной неврастении и довольно быстро сделался сибаритом. Впрочем, в скромных российско-интеллигентских масштабах. О недавнем прошлом страны Алексей вспоминал, лишь когда по телевизору показывали старые фильмы, которые он смотрел с большим удовольствием, либо по новостям – обнищавшие коммунистические митинги. На частые жалобы менее удачливых соседей Зайцев скоро научился многозначительно пожимать плечами и душевно отвечать: «Да-да-да». С такими же, как он сам, любил порассуждать о паразитической психологии россиянина и как бы вскользь прихвастнуть не новым, но вполне презентабельным «ауди». В общем, Алексей был человеком во всех отношениях благополучным, в последнее время все чаще задумывался, не завести ли еще раз семью, но о детях уже не помышлял. Во-первых, у него уже имелось двое взрослых сыновей, а во-вторых, Зайцеву, наконец, хотелось пожить для себя.

Свой отпуск, выпавший на середину августа, Алексей решил провести на родине отца – в небольшом сибирском поселке с привлекательным и одновременно распутным названием Разгульное. Всю первую неделю он переходил от одних доселе неведомых родственников к другим. В каждом доме в честь редкого московского гостя устраивалось застолье, которое обычно длилось до утра, и в конце концов, это так утомило Зайцева, что он начал подумывать о побеге назад в столицу. Но уезжать, так и не попробовав хваленной сибирской охоты и ночной рыбалки, было и жаль, и обидно. Наслушавшись невероятных охотничьих рассказов, как-то утром Алексей отправился в одиночку побродить с ружьем по тайге. За полдня блуждания он не встретил никакой дичи, зато напал на россыпи брусники, которые и завели его в таежное болото. Только наевшись незрелой ягоды, Зайцев решил, что пора возвращаться, но солнце висело почти над головой, и определить, куда оно будет закатываться, не было никакой возможности. Алексей лишь помнил, что в Разгульном оно встает слева, а когда он отправлялся в тайгу, светило в спину.

Часа в четыре пополудни Зайцев наконец разобрался, в какой стороне находится село. Идти напрямик никак не получалось. Приходилось все время огибать обширные озера с обсидиановой тухлой водой, уклоняться то в одну, то в другую сторону, а ближе к вечеру ему вдруг показалось, что он вообще идет не в том направлении. Болото не только не кончалось, наоборот, оно становилось все безжизненнее, все чаще ему попадались целые рощицы березовых хлыстов, и все реже встречались оазисы обычной лесной растительности.

Первую ночь Алексей провел на небольшом островке-горбушке, у жалкого чадающего костерка, который он развел из бересты и поддерживал мелкими прутьями. Страх еще не овладел Зайцевым – утром он собирался добраться до первой же высокой сосны, забраться на нее и осмотреть окрестности. Его лишь слегка мучили голод и жажда: перед охотой он позавтракал стаканом молока и куском хлеба, а вода в алюминиевой литровой фляжке давно закончи-

лась. Правда, днем он наелся недозрелой брусники, но от нее остался лишь легкий холодок в желудке да кисловатый привкус во рту.

Жажда давно уже напоминала о себе, тем более что болотной воды вокруг было сколько угодно. Алексей даже ощущал головокружение от ее сладковатого гнилостного запаха. Но самым докучливым было терпеть сонмища комаров и таежного гнуса. Назойливые кровопийцы почти не реагировали на едкую струйку дыма, лезли под охотничий брезентовый костюм, и единственным спасением от них была еловая лапа, которой Зайцев не переставая остервенело обмахивался.

Всю ночь Алексей воевал с насекомыми, а под утро, когда болото заволочло душным ядовитым туманом, комары вдруг исчезли, и он как-то сразу погрузился в глубокий сон. Но хорошенько выспаться Зайцеву так и не удалось. Вскоре над мертвым березовым сухостоем поднялось солнце, туман растворился в воздухе, и комары с гнусом вновь накинлись на свою жертву, возможно, единственную на много километров в округе. Щеки и подбородок Алексея уже серебрились суточной щетиной, глаза были воспалены, а лицо так распухло от укусов, что в зеркале он, пожалуй, себя бы и не узнал.

Весь следующий день Зайцев пытался выбраться из этого гиблого места. Деревья, насколько возможно было охватить взглядом, стояли сплошь низкорослые и чахлые, и забираться на них не имело смысла. Несколько раз Зайцев принимался во все стороны кричать, но очень скоро охрип. Пересохшее от жажды горло начало так саднить, что он совсем потерял голос. Затем от отчаяния Алексей расстрелял все патроны, кроме одного, который оставил на самый крайний случай, но и это не принесло никакого результата. Лишь потом он сообразил, что местные жители, с детства привычные к ружейной пальбе в тайге, не обратят на выстрелы внимания.

Для поддержания духа Зайцев успокаивал себя соломоновым девизом, постоянно твердил, что все когда-нибудь кончается, а значит, кончится и болото, но зелень попадалась все реже, болотные травяные настилы становились все более зыбкими, и вскоре Зайцев начал терять самообладание. Он пробирался от островка к островку, часто возвращался назад, шараясь из стороны в сторону и в панике едва не распрощался с жизнью. Вначале Алексей дважды подряд провалился в вонючую чавкающую жижу и потом долго высвобождал из нее резиновые сапоги. Затем он свалился в воду, страшно перепугался, и это последнее происшествие несколько охладило его – Зайцев стал более осторожным.

Вторые сутки, проведенные в тайге, оказались куда более страшными. Алексей вывожился в грязи, и костюм его покрылся серой чешуйчатой коркой подсохшего ила. Зайцев промок, неимоверно устал и оголодал. Брусника ему больше не попадалась, правда, он сумел-таки напиться относительно чистой воды из островного бочажка и набрать полную фляжку. Но в эту ночь ему пришлось обходиться без костра – спички намокли во время вынужденного купания. Сидя в кромешной темноте, Алексей слушал гудение тысяч насекомых, не переставая отмахивался от них и со страхом думал, что его ждет завтра. Только сейчас он сообразил, что подвело его легкомыслие: он отнесся к тайге как к подмосковному лесу, где тоже можно проблуждать весь день, но только если ходить по кругу. На географической карте эта местность выглядела сплошным зеленым полем, доходящим едва ли не до границы с Китаем. На рисунке страны оно имело всего десять на пятнадцать сантиметров, а в реальности простиралось на многие сотни труднопроходимых верст. «А неплохо было бы уйти в Китай, – трясаясь от лихорадочного озноба, подумал Зайцев. – Погулять неделю-другую и так же вернуться. Шанхай, Пекин, Лхаса, шашлык из гремучей змеи. А китайки тощие. Наверное, не все... А я здесь подохну». Он постарался вытеснить из головы опасные мысли о собственном конце, попробовал задремать, но всякий раз, когда разум его заволакивало сном, а рука с веткой опускалась на землю, комары облепливали лицо – и он просыпался. Это было похоже на пытку бессонницей, только яркую настольную лампу и громкие окрики палача заменяли мириады крохотных кровопийц.

Весь третий день скитаний по таежным болотам Алексей брел словно в полусне. Он несколько раз устраивался на высоких сухих плешках, мгновенно засыпал, но поспать ему удавалось не более часа. Как Зайцев ни натягивал на себя короткую куртку, насекомые находили лазейки. В этом подлинном преддверии Дантова «Ада» не хватало лишь червей, тут же глотающих кровь и слезы тех несчастных, кого, как сочинил поэт, «отвергло небо и не принял ад».

Проснувшись, Зайцев с остервенением скреб ногтями тыльные стороны ладоней, пока не расчесал их в кровь. То же самое произошло и с лицом. Поначалу он растирал его, но затем, увлекшись, разодрал лоб и щеки до такой степени, что они покрылись густой сеткой глубоких царапин. А вскоре зуд, скорее даже фантомный, распространился по всему телу. Алексей стал часто останавливаться, чтобы забраться рукой под куртку или штаны, и с закрытыми глазами подолгу сладострастно чесался.

Постепенно Зайцев начал впадать в какое-то темное и густое, как болотная жижа, душевное оцепенение. Это было похоже на полубморочное состояние, но оно помогало ему двигаться дальше. Так легче было идти в одном направлении: не мучили мысли о том, что он больше никогда не вернется домой, и исчезло ощущение времени.

Под конец дня Алексей и не заметил, как выбрался из лабиринта зыбких тропинок, окружения черных болотных окошек и озер. Зайцев почувствовал под ногами твердую почву, не сразу осознал это, а когда ступил на серый скрипучий песок, даже не поверил, что это произошло. Он топнул ногой, огляделся и только сейчас сообразил, что солнце уже завалилось за деревья и ему надо торопиться, чтобы подальше уйти от гиблого места. С этими мыслями к Алексею вернулась и надежда на то, что он успеет добраться до человеческого жилья или хотя бы влезть на дерево, которые стали попадаться все чаще. Но когда Зайцев наткнулся на такую сосну, с гладким, словно полированным стволом, он лишь обнял ее, прижался щекой к теплому дереву и даже не стал пытаться забраться наверх – у него не было сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.